

Элеонора Кременская
Покорители мира

Живые истории

Элеонора Александровна Кременская

Покорители мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10855744

ISBN 978-5-4474-1287-6

Аннотация

Мы не успели как следует почувствовать уходящее двадцатое столетие и говорим теперь век минувший, хотя живые свидетельства этого века вот они, с нами. В этой книге собрано множество чудесных мгновений настоящего двадцать первого века, которые послужили основой для сотни приключенческих, даже авантюрных рассказов для молодежи. Есть и такие сюжеты, в деталях которых запечатлены живые истории настоящих ветеранов, людей крещенных Великой Отечественной войной, им отведена вторая часть книги.

Содержание

Покорители мира	5
Вступление	5
1	7
2	14
3	17
4	22
5	25
6	27
7	29
8	32
9	34
10	37
11	40
12	43
13	46
Знахарь	50
Инопланетяне	66
Мальчик по фамилии Кот	71
Рассказ ученика	85
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Покорители мира
Живые истории
Элеонора Александровна
Кременская

© Элеонора Александровна Кременская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Покорители мира

Вступление

Сверкая разноцветными огнями, будто рождественская гирлянда, мощный космический корабль, преследовал автомобиль, на всех парах удиравший по пустынной ночной дороге.

– Я говорила тебе, не надо задерживаться на работе! – визжала женщина, отчаянно пытаясь выдрать управление машиной из рук мужчины.

– Но, дорогая, ты сама велела задержаться, – оправдывался мужчина, тем не менее, не отдавая управление автомобилем.

– Они не отстают! – кричала женщина. – Жми! Гони! Черт, что ты ползешь, как черепаха!

– Дом уже недалеко! – возразил мужчина, выжимая педаль газа.

Автомобиль рванулся вперед, женщина взвизгнула, повалившись назад. Корабль навалился сверху, пытаясь захватить машину в плен зеленого луча.

– Ах, вы твари! – вскрикнула женщина и открыв верхний прозрачный люк, принялась швырять в днище низко нависшего над ними корабля всем чем ни попадя.

Машина оторвалась от дороги и дико крутя колесами, запыликала включившейся охранной сигнализацией.

– Да, кто вы такие? – неистовствовала женщина, швыряя вверх свою косметичку.

Мужчина, низко склонившись к рулю, отчаянно нажимал на клаксон.

– Не сдавайся! – велела ему женщина, швыряя в корабль свои туфли.

Вдали показались огни.

– Наш дом! – вскрикнул мужчина и изо всех сил нажал на педаль газа.

Автомобиль рванул, вывалившись из захвата зеленого луча, упал на передние колеса, подпрыгнул и, уходя от преследования, принялся вилять по дороге. И тут, из далекого дома, ударил по кораблю огненный луч, всего один, но какой эффект он произвел! Корабль накренился, свалился на землю и принялся подпрыгивать, кувыркаясь, автомобиль еле еле ушел от столкновения. Уже возле дома, остановившись, мужчина и женщина выпрыгнули из машины, взглядываясь назад, и увидели, как корабль, будто большая птица, взлетел над темной землей и ринулся в звездное небо.

1

Гостиную заливало утреннее солнце. Мишка подошел к огромному панорамному окну, уставился на желтые стволы сосен. Густой смоляной дух чувствовался даже в доме.

– Мишка! – прокатился крик, кувыркнулся, эхом пронесся до цокольного этажа и плюхнулся в бассейн. – Иди купаться!

В бассейне не столько плавали, сколько бесились три человека: Сашка, Лиза и Маринка. Родные брат и сестры нахмурившегося было на них, Мишки.

– Неохота! – сообщил он радостным пловцам.

– Заболел? – участливо спросила старшая Лиза.

Он поискал в себе признаки болезни, но ничего не говорило за болезнь. Душа пела от счастья, тело просилось в бой, шаги давались легче легкого, и от этого хотелось взмыть в небеса, пугая ласточек. В очередной раз пожалев: «От чего люди не летают?» Мишка выпорхнул за дверь и понесся по обширному пространству зеленого газона, широко распахнув руки и изображая самолет.

– Дети! Завтрак! – перегнулась через подоконник раскрытого окна кухни, повариха, тетя Люба.

– Опять, каша? – с отчаянием в голосе, воскликнул Сашка, едва приблизившись к столу.

– Каша – радость наша, – сообщила повариха.

– Сашка, немедленно садись к столу и, чтобы до последней ложки съел! – пригрозила Лиза.

– Зачем? – Сашка полез на свое место.

– Как это зачем? – возмутилась Лиза и начала перечислять давно избитые факты. – Чтобы вырасти, чтобы сильным стать...

Восьмилетний Сашка скорчил насмешливую гримасу, высунул язык, дразнясь.

Лиза пристукнула ладонью по столу. Самая взрослая, пятнадцати лет, она сама вызвалась быть няней для братьев и сестры. Вечно занятые родители уповали на ответственную, самостоятельную и очень умную дочь.

А вот, Маринка, будучи двумя годами младше Елизаветы, им доверия не внушала. Мечтательница, живущая в розовых очках.

– И, что с тобой будет? – вздыхал отец, в очередной раз, выслушивая бестолковый рассказ средней дочери с ее фантазиями, которые она имела свойство переносить в реальный мир.

Мишка выглядел сильно заинтересованным. Ему на самом деле, до чертиков, хотелось поймать и рассмотреть мысли Маринки, столь же неуловимые, что и солнечные лучи на рассвете. Мишке недавно исполнилось десять лет и, получая подарки, он с удивлением принял от средней сестры картину, которую она нарисовала сама. На картине цвели пышным цветом невиданные огромные фиолетовые цветы, про-

носились в кровавом небе серебристые тарелки величиной с чайные блюдца и пристально глядел черными, матовыми глазами на Мишку странный пришелец с зеленой кожей, похожий на рептилию. У ног пришельца валялся неподвижной куклой человеческий ребенок, а с тонких губ инопланетянина, застывших в злобной усмешке, стекал ручеек красной крови...

– Тетя Люба, дай позвонить! – прервал мишкины воспоминания, просящий голосочек Сашки.

– Саша! – тут же вмешалась Лиза. – Ты же знаешь, все гаджеты папа увез к себе на работу и запер в сейфе. Звони по обычному телефону.

Кивнула она на белый телефонный аппарат, подвешенный на стене, в углу кухни.

– Так, у него даже экрана нет, – захныкал Сашка и заканючил, – тетя Люба, дай свой сотовый, я поиграю и отдам!

Тетя Люба развела руками:

– Сашенька, нет у меня телефона. Твой папа и меня раскулачил.

– Почему? – залился злыми слезами, Сашка.

– Чтобы ты не сидел целыми днями в доме, а гулял, дышал воздухом! – объяснила Лиза, допивая свой стакан компота.

– Я все равно компьютер найду, – пробурчал Сашка.

Мишка усмехнулся, ни он, ни сестры не страдали болезнью, именуемой психиатрами, игроманией, но вот Сашка, с младенчества болел. Никакого хобби, кроме компьютер-

ных игр он не имел и частенько, обманывая Лизу и родителей, забирался под одеяло с ноутбуком или планшетом, чтобы еще и ночью носиться по виртуальному киберпространству. Утром, не выспавшийся, злой, кое-как вставал в школу и спал, откровенно развалившись, сидя за партой. Неудачность его была впечатляющей. Родители, в связи с этим, вынуждены были забрать Сашку из обычной школы и перевести на домашнее обучение, как какого-нибудь инвалида. Учителя приходили к Сашке под вечер, и он успевал выспаться, успевал немного поиграть, но не успевал выполнить домашние задания, назначенные учителями накануне. Родители прямо не знали, что и делать. Перед летними каникулами, отец распахивался на непослушного сына и решил наказать, вот таким образом и исчезли из дома все электронные устройства, включая сотовые телефоны обслуживающего персонала. Мало того, отец, не слушая сашкиных воплей, уволок из дома все телевизоры, потому что, вне всякого сомнения, Сашка отыскал бы замену компьютерным играм в телевизионных мультиках и потом, на каждом телевизоре, как известно, имеется выход на такие игры, как теннис. Отсутствие телевизоров домашние заменили радио, у тети Любы, в кухне теперь вечно играл радиоприемник, по которому она слушала веселые передачи русского радио. Никто особо и не пострадал, никто, кроме Сашки.

Перемены настроения от плаксивого до откровенной истерики, сделались для Сашки нормой. Иногда он ревел це-

лыми днями, иногда доканывал брата с сестрами бесконечными разговорами о своих любимых компьютерных играх, но дни шли за днями и Сашка каждый прожитый день стал отмечать на календаре, а зачеркивая последний день июня, победоносно засмеялся. После заявил, что уж как-нибудь, да и переживет еще два месяца лета, а там папа вынужден будет вернуть всю электронику в дом, так как для брата и сестер компьютеры необходимы в школьном обучении...

Сашка потирал руки, но уже через минуту впадал в прежнее капризное состояние и, раздражаясь на какой-нибудь пустяк, кричал и плакал.

Мишка задумчиво смотрел на брата:

– А, вот, если запечатать тебя в космический корабль и послать к далеким мирам, что ты делать будешь?

– В космическом корабле компьютеры есть, – со знанием дела, ответил Сашка, расправляясь с остатками каши на своей тарелке.

– Его в полет не возьмут, – вмешалась тут Маринка, мечтательно глядя на небо, за окном, – у него неадекватное поведение.

– Сама такая! – парировал Сашка, злобно уставясь на Маринку. – Будто тебя возьмут?!

– Меня? – задумалась на секундочку, Маринка и ответила со вздохом. – Я здоровьем не вышла!

– Конечно, стукнутая на всю голову! – нервно выкрикнул Сашка и выскочил из-за стола, спасаясь от подзатыльника

старшей сестры.

Лиза смотрела вслед младшему брату с возмущением:

– И что из него вырастет, – повторила она слова мамы.

– Игроман, наркоман и убийца! – уверенно решила, обиженная Маринка. – Уедет в Лас-Вегас и сгинет там посреди «одноруких» бандитов.

– Почему «одноруких»? – не понял Мишка.

– Так игровые автоматы называются, – ответила Маринка и изобразила в воздухе, как она одной рукой бросает в щель автомата монету, а другой рукой дергает за ручку, чтобы начать играть.

– Ну и уеду! – выкрикнул из глубины дома, Сашка. – Выиграю миллион долларов, куплю себе много-много компьютеров, чтобы папа не все сумел спрятать, а один взял бы да и позабыл.

И разразился насмешливым хохотом.

Ребята на такое заявление ничего не ответили, а переглянувшись и поставив тарелки в посудомоечную машину, вышли, не забыв поблагодарить повариху за вкусный завтрак, через гостиную в прихожую и во двор.

Лиза сразу же предложила пройтись, имея в виду проселочную дорогу, березовую рошу и маленькую чистую речку без названия, протекающую посреди заросших осокой берегов.

Лиза принадлежала к той породе беспокойных душ, что любят ходить в походы, сидеть у костра, брэнча на гита-

ре и всю распева́я туристические песни. Она́ была худой и жилистой, сама́ себя обзывала «верблюди́хой», намекая на свою выносливость.

2

Когда брат и сестры скрылись, Сашка почувствовав невыносимую скуку, выскочил из дома и помчался, стремясь догнать. Из высокой некошенной травы, как ждал, выпрыгнул маленький сердитый старичок и, наступая на пятки, погнался Сашку еще быстрее.

– Поспешай! – кричал старичок и, догоняя, норовил боднуть Сашку головой под коленку.

– Ай-ай! – вопил Сашка, стараясь оторваться от старичка.

Брат и сестры остановились, поджидая его.

Старичок, завидев свидетелей, нырнул обратно, в траву.

Сашка остановился, хрипло дыша и закрыв глаза, ждал, когда устанет так быстро биться сердце, чувствуя себя беззащитным перед случившимся.

– Что, Сашка, отдышаться не можешь? – насмешливо спросила Маринка. – Это тебе не в виртуальных мирах бегать.

Сашка проигнорировал ее едкое замечание и испуганно, заикаясь, пробормотал, указывая на траву:

– Что это было?

– А что? – заинтересовалась Лиза.

Сашка коротко рассказал. Никто ему не поверил, никто, кроме Маринки.

Она скрестила руки на груди и мрачно уставилась на бра-

та:

– Это Поспешай! – объявила она. – Домовой!

– Домовой? – переспросил Сашка, все еще со страхом оглядываясь на траву.

– Он живет у нас в доме, имеет скверный характер и всегда нападает на одиноких путников, гонит прочь от нашего жилища.

– Почему же на меня напал? – недоумевал Сашка. – Я вроде бы наш?

Маринка пожала плечами.

– Непонятно, – усомнился Мишка, – почему мы его никогда не видели?

– Потому что, мы всегда вместе, – ответила Маринка, – Сашка делит комнату с Мишкой, а Лиза со мной.

– Но ты-то его видела?! – воскликнул Сашка.

– Видела, и не раз, – кивнула Маринка, – с Поспешаем невозможно договориться, я пробовала одаривать его подарками, конфетами и кукольной одеждой, но он возьмет, припрячет в доме, а после снова нападает, норовит боднуть, накричать, чтобы уходила!

– Во-во, – проговорил Сашка, все еще робея от страха, – кричит: «Поспешай!»

– Какие вы выдумщики! – рассмеялась Лиза, поглядывая с недоверием то на траву, то на Сашку, то на Маринку.

Они двинулись дальше, но оглянувшись, Сашка увидел домовика, грозно грозящего ему кулаком.

– Смотрите, смотрите! – закричал тогда Сашка.

Все оглянулись, но домовик проворно скрылся, опять никем не замеченный.

Лиза театрально воздела руки к небу.

– Ну и не надо, – буркнул Сашка, – зато Марина мне верит!

И подвинулся ближе к средней сестре, взял ее за руку, забыв об инциденте за завтраком. Марина доверительно пожала руку младшему брату.

– Не бойся, – шепнула она ему, – на такое количество людей Поспешай не нападет!..

3

Сашка, страдавший от уныния, в которое погрузился с головой, когда яркий мир компьютерных игр исчез, уступив место тяжелой реальности, был в восторге от произошедшего. Куда там его сверстникам, разгадывающим хитроумные головоломки сплетенные разумом разработчиков игр! Когда он сам мог разработать игру, свою собственную!

– Мне нужна видеокамера! – для начала решил он и помчался обратно, к дому.

Раздраженный его нахальной беготней Пospешай выскочил было из травы, но мальчишки и след простыл.

– Ну, попадись ты мне, негодник! – прокричал он.

Пospешаю было много лет, на вопросы любопытствующих домовиков, он фыркал и презрительно цедил:

– Ты еще не родился, а я уже успел состариться!

Но, говоря между нами, он и сам позабыл считать свои года и думал только, что видел, как давным-давно, много тысячелетий назад прилетели на Землю, нибируйцы. Вспоминал кровавое пиршество и самую настоящую бойню, которую устроили эти «владыки» вселенной, истребив тогда большую часть человечества.

Пospешай передернулся от омерзения, корабль проклятых нибируйцев он заметил недавно совсем неподалеку. Они попытались напасть на родителей детей, пришлось вмешать-

ся, Поспешай вздохнул и маленькая Маринка, весьма восприимчивая ко всякого рода проявлениям, так называемого, тонкого мира, начала рисовать автомобиль родителей и темный дисковидный аппарат пришельцев.

Поспешай вздохнул, придется драться с врагами рода человеческого, иначе чего доброго они похитят кого-нибудь из семьи, а может даже заберут всех. И, что против них смогут сделать те же полицейские? – Правильно, ничего!

А, Поспешай сможет! Тут он принялся загибать пальцы, считая свои преимущества перед нибируйцами.

Добравшись до кухни, домовик воспользовался отсутствием поварихи, тети Любы, отрезал от батона внушительный ломоть хлеба, густо намазал его сливочным маслом, посыпал сверху зеленым сыром и откусил, не забыв про стакан яблочного сока.

Но только собрался насладиться вкусным завтраком, как во дворе забибикал автомобиль и на весь двор разнеслось мужское, уверенное:

– Дети, ко мне!

– Папа!

Сашка первым успел к отцу. Тронул его за руку.

– Дай видеокамеру! – в его голосе прозвучали просительные нотки.

– Так, сын, идем-ка! – прогудел отец, и крепко взяв за руку, поволок за собой в дом.

В доме было несколько запретных для детей мест – это

спальня родителей и кабинет отца.

Сашка, бывавший в кабинете крайне редко, заинтересованно огляделся, когда отец отомкнул дверь ключом и пригласил сына войти.

Стены кабинета были облицованы деревом. У окна стояла в кадучке высокая пальма. Книжные шкафы с раздвижными стеклянными дверцами ломались под тяжестью рядов толстых фолиантов. Около шкафов красовались мягкие кресла с небрежно накинутыми роскошными покрывалами. Возле кресел виднелись торшеры с бархатными абажурами и приглушенным, как выяснилось позднее, светом. Под стать ткани абажуров были и портьеры на окнах. Дополнением богатого убранства кабинета служили картины в золоченых рамках, с замысловатыми сюжетами.

Отец подвел Сашку к одному из книжных шкафов и, указывая на полки, принялся перечислять:

– Здесь собраны приключенческие романы, здесь фантастические боевики, здесь сказки народов мира, есть и книги о рыцарях, одним словом, разберешься! – кивнул он, кладя ключ обратно в карман.

– Отныне мой кабинет – это твой кабинет! Но чистоту и порядок, чтобы гарантировал!

Погрозил он пальцем сыну и взлохматил его, не стриженные густые волосы цвета белых облаков:

– Надо бы тебя подстричь!

Сашка вывернулся из-под его ладони и восторженно огля-

делся:

– Я у тебя всего лишь видеокамеру попросил, а ты мне весь кабинет подарил!

– Не подарил, – назидательно поднял палец, отец, – а всего лишь отдал в аренду!

– Значит, я должен заплатить? – догадался Сашка.

– Именно! – решительно объявил он. – Своим послушанием и любовью к чтению!

– Хорошо, папа! – бросил быстрый взгляд на цветные корешки книг, Сашка.

В приоткрывшиеся двери робко протиснулись трое: Лиза, Маринка и Мишка.

– Да, и вот еще что, – спохватился отец, глядя на своих старших детей, – Александр за главного! В кабинете не шуметь и по возможности, рисовать в другом месте!

Тут он глянул на Маринку, имевшую свойство забрызгивать краской не только мольберт, что было бы естественно, но умудрявшаяся испачкать свежей акварелью свои густые черные волосы так, что и день спустя нет-нет, да и мелькала в прядях ее волос нечто цветастое. И мама, всегда требующая от детей достойного внешнего вида, сердилась, отводила Маринку в душ, чтобы самолично намылить ей голову. Маринка ревела, потому как мамины прикосновения были отнюдь не мягкими и нежными, а совсем даже напротив, жесткими и грубыми...

Мама не одобряла идею отца, она не доверяла детям.

Оставлять детей на целый день, даже под присмотром Лизы? Она соглашалась лишь под напором мужа!

Наверное, на характер мамы очень сильно влияла профессия. Она служила в конторе своего мужа и вела запутанные дела, связанные с квартирным вопросом. Да, да, семейный бизнес, вместе с крупным агентством недвижимости должен был перейти к детям. Но, что может быть постоянного в России? Хотя, кто будет слушать мнение детей? Даже благоразумную Лизу никто не слушал, в учебное время мама нанимала для нее репетитора, чтобы подготовить дочь к сдаче экзаменов на отлично и дальнейшему поступлению на юридический факультет престижного университета. Впрочем, Маринка, Мишка и Сашка знали, что унаследуют семейный бизнес, наверное, если, конечно, судьба будет благосклонна, так как уже говорилось, ничего нет постоянного в России, сама история за это говорит.

4

Мишка захлопнул книгу по нестандартной истории России и оглядел лица притихших брата и сестер.

– Ты думаешь, мы не сможем продолжить дело папы и мамы? – тихо спросила Маринка, вытирая мокрые от слез, глаза.

– Посмотрим, – уклончиво ответил Мишка.

Лиза задумчиво поглядела в окно:

– Мы живем в страшные времена, – произнесла она, – на Украине к власти пришли фашисты.

– Ненормальные, – подтвердил Сашка.

– Убийцы! – запальчиво выпалила Маринка.

– Но почему они пришли? – недоумевала Лиза. – Откуда они такие?

– Расисты! – подсказал Мишка.

– Есть такая наука «Евгеника», ею вдохновлялся Гитлер, – проговорила Лиза, размышляя.

– Но ведь Гитлер горит в геенне, разве не так? – с отчаянием в голосе, выкрикнула Маринка, прижимая кулачки к груди.

– Дело не в Гитлере, – покачала головой Лиза и продолжила, – папа жил на Украине. Ему было тогда пять лет. И он помнит, как его отца украинцы обзывали «кацапом».

– Дедушку? – воскликнул Сашка.

– Дедушку, – подтвердила Лиза, – русских и тогда трети- ровали, делали вид, что не понимают русского, а в школах обязательен был украинский язык.

– Напомни, какой это был год? – задал тут вопрос Мишка.

– Тысяча девятьсот семьдесят пятый, – со значением в го- лосе, произнесла Лиза.

– Сорок лет прошло, – удивился Сашка.

– Для ненависти нет времени, – покачал головой Мишка.

– Но украинцы такие же люди, как и мы! – горячился Саш- ка.

– Вы все не то говорите, – вмешалась Маринка, – есть ни- бируйцы, они и сводят людей с ума, им надо, чтобы мы друг друга уничтожили.

– Нибируйцы? – переспросил Сашка. – Это что еще за зве- ри?

Маринка объяснила.

Родные помолчали.

– А, почему они не могут просто захватить планету? – недоумевал Сашка.

– Ты не понимаешь, – печально улыбнулась Маринка, – есть Дьявол, и есть Бог.

– Они не допустят? – догадался Сашка.

– Дело не в этом, – Маринка помолчала, собираясь с мыс- лями, – просто существуют космические законы.

– Не убий? – высказался вслух Мишка.

– Они хотят, чтобы мы убили друг друга, – понял Сашка, –

сами! И занимаются тотальным внушением!

– И для того ядерное оружие! – сказал Мишка.

– И атомные бомбы! – поддержала братьев Лиза.

– И убийство мирных людей на Донбассе! – выкрикнул Сашка, вскакивая. – Ух, вмазал бы я этим нибируйцам!

– И я! – выскочил тут Пospешай и нисколько не скрываясь, забегал по кабинету.

5

– Они близко, они придут за вами!

Лиза, без остановки, визжала, забравшись в кресло с ногами. Мишка смотрел, раскрыв рот, а Сашка, торжествуя, тыкал пальцем:

– Я говорил, я вам всем говорил!

Маринка буднично доложила:

– Это Поспешай!

– С ума сойти можно! – взяла, наконец, себя в руки Лиза и велела, напуская на себя строгий вид. – А ну, остановись!

Поспешай остановился, уперев руки в бока, с вызовом уставился на девушку.

– Что ты такое? – размеренно, как учительница, спросила она.

Поспешай презрительно фыркнул:

– Кто бы говорил! Вы, люди, рождаетесь, учитесь, работаете, выходите на пенсию, умираете и, теряя все свои навыки приобретенные в процессе жизни, рождаетесь заново, чтобы опять учиться, работать, выходить на пенсию, умирать, прямо, как белки в колесе!

– Мы не виноваты! – возразила Маринка.

Поспешай задумался:

– Теперь и не упомяну, виноваты или нет, поищите ответ среди книг о мировых религиях, – посоветовал Поспешай,

указывая на книжные шкафы.

– А я, – сказал он, обращаясь к Лизе, – один из ангелов!

И видя затруднение в ее глазах, пояснил:

– Ушел вместе с Люцифером и дверью хлопнул!

– Причина! – потребовала Лиза.

– Яблоком раздора были люди! – кивнул Поспешай и добавил. – Тогда от Бога ушло много миллионов ангелов!

– Почему же ты здесь? – не поняла Лиза.

– Так захотел! – притопнул Поспешай.

– Он стал домовым, – пояснила Маринка, – ему нравится охранять покой дома.

– И людей! – рявкнул Поспешай.

– Все, хватит! – хлопнула в ладоши, Лиза, призывая ко вниманию.

И продолжила, потирая лоб:

– Допустим, ты не являешься нашей массовой галлюцинацией. Допустим, ты действительно домовик, в бывшем, ангел. Но, что ты хочешь от нас?

Задала она вопрос, уперев руки в бока, повторяя, сама того не осознавая, движение домовика.

– Дети, обед! – зашла тут в кабинет повариха, тетя Люба.

6

– Да, тетя Люба, кукла, всего лишь говорящая кукла! – успокаивала повариху, Лиза.

Маринка намочила полотенце холодной водой и приложила к пылающему лбу тети Любы.

– Но, если кукла, как же она могла двигаться? – слабым голосом, спросила повариха.

– Это такая кукла! – настаивала перепугавшаяся Лиза.

Тетя Люба выглядела плохо. Всегда цветущая, полная жизненной энергии, она вся дрожала и бледнела, бросая тревожные взгляды на то место на полу, где только что стоял домовик. Завидев повариху, Пospешай моментально бросился наутек, пропав где-то в углу кабинета.

Лиза протянула полотенце сестре:

– Намочи снова!

Маринка поспешила в ванную.

– Ну, как там она? – подавая уже намоченное холодной водой вафельное полотенце, осведомился Пospешай.

– Ничего, – вздохнула Маринка, – приходит в себя!

– Я не хотел ее пугать! – сообщил ей Пospешай, усаживаясь на краю ванной. – Увлёкся разговором с вами и не заметил, как она подходит к кабинету!

– Да, ладно тебе, – пожалела его Маринка и легонько коснувшись, отдернула руку.

– Что, не земной, чуждый тебе по разуму? – насмешливо осведомился Поспешай.

– Почему же чуждый, просто не привычный, – оправдывалась Маринка.

– Чуждый, чуждый, – твердил Поспешай, раскачиваясь на краю ванной.

– Это не так, – мягко сказала Маринка.

– Все уже сказано! – вспыхнул Поспешай, резко вскакивая, но не удержался, а соскользнул в ванну.

Маринка его спасла, уже без тени сомнения, взявшись не только за руку, но и подняв домовика.

Домовик доверчиво обнял Маринку за шею, прошептал ей на ушко:

– Мне так одиноко!

– Я с тобой! – покачивая его, будто мать свое дитя, произнесла Маринка.

– Чего копаешься? – влез тут Сашка, схватил мокрое полотенце и бросив мимолетный взгляд на Поспешая, прильнувшего к плечу сестры, ринулся на помощь тете Любе.

Тетя Люба быстро пришла в себя. Отдышалась, отохла-лась, перевела дух и вскоре уже ворковала над оголодавшими по ее вине, деточками. Она была человеком добрым и очень чувствительным.

Когда в доме были телевизоры, она навзрыд плакала над очередной серией «мыльной оперы». И, когда Сашка получал от учителей хорошую отметку, роняла слезу радости на его макушку.

Маринка нарисовала сотню картинок тете Любе и все они украшали стены ее комнаты. Без преувеличения, повариха гордилась странными рисунками средней дочери хозяев дома. Тут надо сказать, что тетя Люба жила на втором этаже особняка, в просторной комнате со светлыми обоями, чрезвычайно удобной мебелью и роскошным персидским ковром на полу. Для полного счастья, говаривала она, не хватает только большого пушистого кота, но против животных в доме была сама хозяйка, мать детей. Да, да, никто не мог склонить ее на свою сторону, даже благоразумной Лизе не удалось выпросить певучую канарейку, а ведь она так грезила о веселенькой желтенькой птичке рассыпающейся продолжительными мелодичными трелями с утра до вечера. Лиза мечтала также о витиеватой золотистой клетке для канарейки, где были бы приделаны маленькие качели, и висело круг-

лое зеркальце, ведь, как известно, птички любят любоваться собою. Клетку и канареек Лиза давным-давно присмотрела в одном зоомагазине, куда у нее вошло в привычку, заходить каждый день, после школы.

Сестра и братья разделяли интересы Лизы, но каждый по-своему: Маринка мечтала о пушистом хомячке; Мишка хотел котенка; Сашка желал завести щенка.

Но одобрения со стороны родительницы они не получили. И отец не мог ничего поделать. Бывали моменты, когда даже его влияния, всегда довольно весомого, не хватало для перемены мнения мамы.

Таким образом, мечты оставались мечтами. Хотя в дневнике, а тетя Люба вела ежедневные записи, она записала, что хотела бы, очень хотела бы иметь ту игрушку, того смешного старичка в кукольном кафтанчике... И еще, конечно это было нереально, но отчего бы не помечтать? Ах, если бы старичок оказался вовсе не куклой, а скажем, живым, может, домовиком?!

И только она так подумала, как некая гигантская птица – бесшумно пролетела подле самого окна ее комнаты.

Тетя Люба выглянула, но никого не увидела. Мало того, на ветвях яблонь, что росли в саду, возле дома, не было видно ни одной вороны. Так, кто же тогда пролетел?

Тетя Люба потрясла головой, потерла лоб, подошла к трюмо, критически заглянула в зеркало, в глаза своему отражению и охнула, прямо за ее спиной возникла фигура

очень высокого, очень тощего человека с серо-зеленой кожей и настолько странными глазами, что тетя Люба схватилась за подсвечник, стоявший на трюмо.

«Маньяк!» – решила она, повернулась и безо всяких сомнений нанесла удар в живот маньяку, но маньяк поглядев на нее свысока, внезапно замерцал и пропал, не оставив после себя следов.

– Ну, это уже слишком! – воскликнула тетя Люба, вспоминая, что за один день ей уже привиделась живую кукла детей.

Глотая слезы, она выскочила прочь из своей комнаты и тяжелым ядром понеслась в сад, где слышались голоса детей. Конечно, если бы в доме были взрослые, она, вне всякого сомнения, пожаловалась бы им, но, как назло, хозяева пропадали на работе допоздна. Два раза в неделю, правда, приезжали уборщики фирмы с броским названием «Чистота – залог здоровья!»

Уборщики рассыпались по особняку, чистили, мыли, стирали. В саду тогда начинала бойко жужжать газонокосилка и улыбочивые садовники в зеленой форме ловко подравнивали большими садовыми ножницами кусты.

Бригада уборщиков побывала в доме накануне, оставив после себя непревзойденную чистоту и стойкий запах свежести и приехать лишь из-за галлюцинации поварахи никак не могли.

8

– Так у него были черные глаза? – задумчиво спросила, тихонько покачиваясь на качели, Маринка.

– И серо-зеленая кожа! – прижала руку к сердцу, тетя Люба.

– А одежда? – задал тут вопрос, Сашка.

Тетя Люба наморщила лоб, вспоминая.

– Я не заметила, – неуверенным тоном начала она, – мне показалось нечто серебристое.

– Комбинезон?! – уточнил Сашка.

Тетя Люба растерялась. Она видела то, что видела и не больше, что она могла еще добавить? А привирать, зачем? Она же не ребенок, чтобы приукрашивать реальность.

– Может он все еще в твоей комнате? – усомнилась Лиза. – Как он мог исчезнуть?

– Галлюцинация? – предположила тетя Люба, снова потирая лоб, и напомнила детям о случае в кабинете.

– Поспешай! – вскрикнула Маринка, вскакивая с качели. – Нам поможет Поспешай!

– Что еще за Поспешай? – удивилась тетя Люба.

Дети, наперебой принялись рассказывать, увлекая, тетю Любу в дом.

Но поверила она, только увидав домовика. Поспешай, понятливо кивая, слушал и жевал бутерброды с майонезом

и укропом.

Тетя Люба гневно вздохнула, обвела взглядом сияющую чистотой кухню и вернулась к домовику, мирно восседающему на холодильнике.

– На моей кухне?! – возмутилась, было, она, но умолкла, наблюдая реакцию домовика.

Без долгих разговоров он совершил длинный и эффектный прыжок с холодильника и бросился вверх по лестнице, в спальню поварихи.

Домовик шнырял по комнате, а тетя Люба размахивая руками, с жаром рассказывала про большую птицу за окном.

– Они могут проходить сквозь стены! – волновался Пospешай.

– Но, если они могут проходить сквозь стены, – стала говорить Лиза, – как же им можно воспрепятствовать?

– Заявить в полицию? – предположила тетя Люба.

Дети рассмеялись.

– И, что мы скажем? – иронизировал Мишка. – Проклятые нибируйцы совсем рядом?!

– Что им надо? – недоумевал Сашка.

– Вашу кровь и вашу жизненную энергию! – сердито выкрикнул Пospешай. – Им всегда только это и надо!

– Что же делать? – воскликнул Мишка.

– Драться! – коротко бросил Пospешай.

В кабинете был письменный стол, а в ящике стола видеокамера. Сашка, без лишних раздумий схватил ее, включил, проверил, убедился в полной зарядке и догнал остальных.

Вооружившись поварешкой, тетя Люба сердито вышагивала вслед, за домовиком. Следом шла Лиза, крепко сжимая в руках гимнастическую палку. Маринка двигалась налегке, Мишка, вооружился гантелью весом в килограмм.

Поспешай, знал повадки нибируйцев. В обыкновении, они маскировались под цвет неба, но прятались в вершинах мощных деревьев, изредка посылая на разведку одного пилота в маленьком корабле-капсуле. Экипаж корабля, как правило, состоял из пяти-шести нибируйцев. Если их интересовала только еда, они нападали на семью, высасывали кровь вместе с жизненными силами, после чего семья погибала, а власти списывали случившееся на несчастный случай. Власть имущие многих стран, в том числе и России знали о проблеме, но что они могли противопоставить сильным, кровожадным инопланетянам? Проблема заключалась в постоянном круговороте людей, от жизни к смерти, от смерти к жизни, которую устраивали ангелы. Гибли цивилизации, в огне ядерных взрывов погибали целые континенты и начиналось заново: рождение, расцвет, становление и гибель из-за претензий десятка человек возомнивших себя божками

расцветали ядерные «грибы». У нибируйцев ничего такого не было, они не позволяли ангелам распоряжаться собственной жизнью, они жили вечно, не теряя накопленных знаний и отставляя свои интересы, соответственно, они не начинали с нуля...

Если нибируйцев интересовали опыты по выживанию своего вида в условиях Земли, они выкрадывали детей, населяли их память ложными воспоминаниями и возвращали обратно, нередко с вживленными под кожу чипами, которые изредка находили врачи при рентгеновских снимках. Так, метят животных некоторые особо заботливые хозяева, чтобы не потерялись в толпе других подобных себе...

Нибируйцев было слишком много, может миллион, а может, больше. Жили они открыто, напрочь игнорируя технические достижения землян, но нападать на большое количество жителей пока что не решались, довольствуясь малым.

– Значит, люди для них – пища? – недоумевал Мишка.

– Не забудь про млекопитающих! – обернулся Пospешай.

– Но, почему?

– Энергия! – кратко бросил Пospешай.

У Мишки было полно еще вопросов, но он решил пока промолчать, тем более они уже достигли опушки того самого перелеска, где по мнению Пospешая прятались нибируйцы.

– Но что мы сможем против них? – воскликнул Мишка, крепче сжимая гантель.

– Я им покажу, как соваться ко мне в комнату! – угрожа-

юще потрясла поварешкой, тетя Люба в сторону деревьев.

В тот же вечер, задумчиво поигрывая гимнастической палкой, Лиза сидела в кабинете отца вместе с остальными. Время остановилось. Нет-нет, настенные часы тикали, стрелки передвигались, но этого никто не замечал. Тетя Люба осела в глубоком кресле, бледная, осунувшаяся, с фиолетовым синяком под глазом, она, то поводила вокруг осоловевшими глазами, то засыпала, надолго отключаясь. Мишка потерял где-то гантель и, кажется, совсем не мог сосредоточиться, силился, но не мог. Так бывает спресонок, когда слишком рано разбудят, чтобы отправить в потемках в школу и, если портфель не собран с вечера – беда, много школьных принадлежностей позабудешь положить, а то и попросту запамтуешь, словно старый дед, впавший в слабоумие... Сашка сжимал видеокамеру, но притом, похоже был без сознания. Одна Маринка, будто фронтовая медсестра спасала родных, сновала с мокрыми полотенцами, прикладывая их к холодным лбам и щекам, капли воды стекали за шивороты, но полюбморочного состояния близких не меняли.

– Ну? – вбежал в кабинет Поспешай.

Вид у него был боевой, хотя и измененный. Вместо старичка-домовичка перед Маринкой оказался античный бог с крыльями и огненным мечом в руке.

Маринка, без слов, указала на неподвижные тела вроде бы

живых, но таких не живых родных и тети Любы.

– Сейчас восстановим, будут, как новенькие! – пообещал Поспешай и извлек из рукава белоснежной рубахи серебряную пластину, сильно встряхнул, пластина зажужжала, ментально принялась делиться, разворачиваться и в конце концов превратилась в большую каплевидную капсулу.

Поспешай, он же античный бог бережно опустил капсулу, и она повисла в нескольких сантиметрах над полом.

– Ты взял ее у нибируйцев? – догадалась Маринка.

– Военный трофей! – гордо выпрямился античный бог.

– Что же капсула сделает? – с ужасом наблюдая, как смыкается прозрачная сфера над неподвижным телом тети Любы, спросила Маринка.

– Уберет дефекты! – кратко сообщил бог и, постукивая тонкими, музыкальными пальцами по поверхности сферы, добавил. – Вероятнее всего, капсула вмешается в работу мозга, сотрет последние воспоминания!

– Нет! – вскрикнула Маринка, бросаясь вперед, но остановленная рукой античного бога, замерла, с восхищением разглядывая божественную красоту неземного существа, бывшего кем-то, но кем? – Маринка вспомнить не смогла.

Она лишь тупо следовала за невероятно красивым молодым мужчиной, с восторгом, блаженно дотрагиваясь до белоснежных перьев его крыльев, так малое дитя подносит к самым глазам красивую погремушку и агукает, и пускает пузыри, и смеется от радости обладания столь чудесной иг-

рушкой.

Наступила ее очередь. Мужчина глянул сердито, цвет глаз его во мгновение ока изменился с ярко-зеленого на темно-зеленый, создавая впечатление, будто ветер по лугу пробежался, довольно вяло подумала Маринка и оказалась в капсуле.

Сфера над ней сомкнулась и она погрузилась в долгий сон, чтобы проснуться с восходящими потоками лучей солнца и негодующими возгласами мамы.

– Видано ли дело! – кричала мама. – Весь вечер и всю ночь продрыхли без задних ног и сейчас норовите поспать?

Мама бегала по дому в халате, бигудях и нервно теребила детей.

– Нам с папой через час на работу, а вы заболели?!

– Дорогая, ну может, они просто устали? – попытался сгладить ситуацию, папа.

– Устали с вечера? – вопила мама. – И повариха? Я вчера приехала усталая, голодная, а она не подает признаков жизни! Мне пришлось готовить самой!

Взвизгнула мама с негодованием.

– Было очень вкусно! – заверил ее папа.

– Я не для того нанимала повариху, чтобы самой у плиты стоять! – верещала мама.

Тут надо сказать, что у мамы всегда было несколько но... Во-первых, она всегда говорила «я» вместо «мы», даже когда речь шла о такой несомненной детали, как приехать с работы вместе с папой. Во-вторых, мама терпеть не могла заниматься не своим делом, например, мыть посуду или готовить пищу.

– Для этого есть посудомоечная машина и повариха! – негодовала она.

И, в-третьих, она не занималась воспитанием детей. Ма-

ринка не смогла бы назвать такого часа или минутки, когда мама обняла бы кого-нибудь из своих детей или почитала на ночь сказку! Иногда у девочки возникало сомнение, а является ли мама родною матерью для нее и для ее братьев и сестры?

И тут мама вбежала в комнату Маринки:

– Вставай, нечего бока пролеживать! – набросилась она на дочь. – Ишь, разлеглась!

– Дорогая, может, они отравились, – вмешался папа, прерывая грубые шлепки и тычки, которые щедрой рукой наносила мать дочери.

– О, я не в состоянии этого вынести! – заорала мать. – Как хочешь, но я одеваюсь и на работу!

И помчалась, топоча ногами, в родительскую спальню.

– Но нельзя же их оставлять в таком состоянии? – бросился за нею вслед, папа.

– Вызови врача, вызови «скорую», но от меня отстань! – продолжала вопить мать, с грохотом пролетая в прихожую.

Маринка слышала, как отъехала машина, слышала, как отец говорил по домашнему телефону, перечисляя симптомы, но пошевелиться не могла, страшная слабость была тому причиной.

– Ну и как ты себя чувствуешь?

Поспешай в нормальном, привычном виде взобрался, ловко цепляясь за одеяло, на кровать к девочке.

– Вот бы мою мать в капсулу засунуть, – прошептала Ма-

ринка.

– Чтобы она стала прежней? – уточнил Поспешай.

– Мамой! – мечтательно улыбнулась Маринка.

– Сомневаюсь, что капсула ей поможет, – покачал головой Поспешай, – некоторые люди рождаются с уже готовыми планами. Карьера становится главным делом их жизни, а семья, дети – второстепенным. Сущность таких людей – черствость, жестокость, узколюбие.

– Узколюбие? – переспросила Маринка, с трудом, но садясь в постели.

– Конечно! – кивнул Поспешай и произнес с грустью в голосе. – Твою маму не переделать!

– А жаль! – Маринка огорченно всхлипнула. – Я бы так хотела простого поцелуя с ее стороны!

– Честное слово, – горячо продолжила она, спуская ноги с кровати, – мы, ее дети, будто и не ее дети вовсе, а сироты!

– Так скажи ей об этом! – посоветовал Поспешай, печально улыбнувшись, лучики света пробежали по всем морщинкам его лица.

– А античным богом ты выглядел красивее! – сказала тут Маринка.

– Это был облик ангела! – отмахнулся Поспешай. – Домовиком мне выглядеть привычнее!

12

– Перегрелись на солнце, – упрямо твердила Маринка недоверчивому врачу.

– Симптомы отравления схожи с симптомами солнечного удара, но все же, – сомневался врач, осторожно обходя вокруг кровати неподвижно лежавшей тети Любы, – почему низкая температура, почему лбы детей и поварихи прямо-таки ледяные?

– И слабость, – прошептала тетя Люба, делая героические усилия оторвать голову от подушки.

– Это пройдет, – заверила ее Маринка, поднося к губам поварихи чашку горячего шоколада. – Это остаточное явление!

– Остаточное, от чего? – взвился врач, хищно впиваясь взглядом в скрытное лицо девочки.

Маринке даже показалось, вот-вот врач вцепится в ее плечи когтистыми пальцами и примется грубо трясти, совсем, как недавно трясла мама.

– Вы – карьерист? – задала вопрос Маринка, осторожно, но настойчиво продолжая поить тетю Любу горячим шоколадом.

– Какое это имеет знамение? – опешил врач, но подумав, все же сказал. – Да, вероятно карьерист. Я пишу диссертацию!

И гордо вскинул голову, глядя свысока и в целом напоминая длинноногую цаплю в белом халате.

– А семья, дети?

– Я не женат, – пренебрежительно отмахнулся врач и повернулся к главе дома, в большом страхе, вбежавшем в комнату поварихи.

– Доктор, скажите, что же с ними такое?

– Явных симптомов отравления нет, – уклончиво ответил врач, – а низкое давление поправимо, поите их какао и крепким чаем, думаю, к полудню они смогут встать!

И оставив на всякий случай номер своего сотового телефона, удалился...

– Папа, – заваривая очередную порцию горячего шоколада, спросила Маринка, – как ты женился на маме?

– Что? – рассеянно переспросил папа и повторил последние слова дочери. – Женился на маме?

Потребовалось несколько минут, во время которых Маринка не сводила глаз с лица отца.

Разительные перемены от рассеянного, растерянного до сосредоточенного на далеком воспоминании были налицо.

– Я покупал конверты, – произнес папа, – и, написав длинное письмо, отправлял самому себе. В то время я часто лечился в Кисловодске от болезни желудка. Лежал в санатории, а квартира моя была в Подмоскowie. В письмах была своего рода прелесть. Приехав, я открывал почтовый ящик,

и тут меня ждала пачка писем, от кого? Это уже было неважным. Важным мне представлялось достать из переполненного почтового ящика не только квиточки с требованием квартирной оплаты, не только вытащить внушительный ворох одноразовых газет, но и письма. В перспективе мне представлялись удивленные глаза молодой соседки и возглас: «Кто это вам столько написал?» И я, загадочно улыбнувшись, непременно бы наплел историю о своей чрезмерно деловой, сверхзанятой жизни.

– Той соседкой была мама? – догадалась Маринка.

Папа, без слов, кивнул. Жалея его, дочь подошла, погладила по руке.

– И как тебе только удалось уговорить ее нарожать нас?

– Никак, – вздохнул он, – наличие множества детей прибавляет веса в глазах общества, если можешь справиться с четырьмя детьми, то уж справиться с проблемами клиентов большого агентства недвижимости ничего не будет стоить, так считает общественность, таковы стереотипы.

– Люди думают, что мама, как Юлий Цезарь везде поспевает?

– И это тоже, – грустно улыбнулся папа и спохватился, – пойдем-ка лучше к остальным, нам необходимо ухаживать за больными!

13

– Что это было? – спросил Мишка, силясь вспомнить.

– Серебристое и круглое? – задал вопрос, Сашка.

– Скорее эллипсоидное, – произнесла Лиза, то и дело потирая лоб, тщетно пытаясь прикосновениями прогнать тяжелый туман окутывающий мысли.

– Их Поспешай нашел! – хвастливо высказалась Маринка. Трое уставились на нее в замешательстве.

– Подожди, кто такой Поспешай? – удивилась Лиза.

– А? – завертелась Маринка с вопросом.

– Опять выдумала, – засмеялся Сашка. – Поспешая, какого-то приплела! Интересно, военные уже приезжали?

– Какие военные? – спросила Маринка, чувствуя себя глупой.

– Военные, – насмешничая, проговорил Сашка, – которые, космический зонд должны были забрать!

– Космический зонд? – не сводя глаз с родных, попятилась девочка к двери.

– Космический зонд, – серьезно подтвердил Мишка.

Маринка повернулась и помчалась прочь из кабинета, во двор, где была высокая трава, и где любил полеживать в тишине и покое, домовик.

– Поспешай!

Домовик высунул нос из травы.

– Сюда!

Она подошла, вся в слезах:

– Что еще за космический зонд, о чем они говорят? – махнула она рукой в сторону дома.

Поспешай, рассеянно глянул:

– Замещение сознания, – пояснил он, – в иных случаях оно необходимо.

– В иных случаях? – переспросила Маринка, присаживаясь в траву, рядом с домовиком.

– Помнишь капсулу?

– Да, – неуверенно кивнула Маринка, вспоминая как сон прозрачную сферу, сомкнувшуюся у нее над головой.

– Воспоминания о капсуле стираются? – заглядывая ей в глаза, спросил Поспешай.

– Да!

– У тебя просто другой мозг, нежели у остальных, – пояснил он, – ты, итак, как бы во сне живешь, потому и воспринимаешь происходящее в реальности с запозданием. Скоро и ты будешь считать, что в перелеске вместе с братьями, сестрой и поварихой наткнулась всего-навсего на космический зонд, упавший с неба.

– Что же на самом деле произошло? – потирая лоб, спросила Маринка и произнесла. – Зонд!

Глаза ее разъехались в разные стороны, затем съехались и наконец, приняли прежнее нормальное положение.

Она встала и, не заметив домового, направилась к дому:

– Зонд, это был космический зонд! – уверенно говорила она.

Поспешай вздохнул, глядя ей вслед:

– Вот это я и имел в виду, замещение сознания! Теперь она и меня позабудет, заменит на рисунок!

С тем он, грустно вздохнув, устроился поудобнее в траве, задумчиво глядя на неторопливо плывущие белые облака.

За облаками прятались нибируйцы. Потрепанные в битве с ангелом, пусть даже и бывшим, они со злостью смотрели на беспечно развалившегося в траве домовика и рассуждали, что надо бы поискать добычу в другом месте. Мало ли на Земле многочисленных семей, которыми без шума можно пообедать? Кровь и энергия, вот что их интересовало. Один из нибируйцев схватил книгу про вампиров, лежавшую на сверкающем сотней огней, пульте управления и потряс ею перед носом товарищей, глупые люди, верят в кровососов и не верят в нибируйцев, а это главное! Выпрямился он в высоком кресле пилота и продолжил, без слов, телепатически, людей очень много и они вполне могли бы организовать «охоту на ведьм», но в том-то и дело, рассмеялся нибируец, демонстрируя острые зубы, что охотятся люди на несуществующих вампиров, а сто лет назад вообще напали на себе подобных, людей бледных, болезненных, обви-

няя их в вампиризме. Таким образом, закончил нибируец, не сводя черных глаз со своих товарищей, мы можем кормиться кровью и жизненной энергией людей вечно. Остальные закивали и корабль, послушный тонким длинным пальцам своих пилотов, исполняющим сложную гамму на пульте управления, ринулся прочь и дальше, по всей Земле, в поисках...

Тем временем, отец открыв ящик письменного стола, в кабинете, взял видеокамеру, которую вернул, накануне Сашка и бездумно принялся прокручивать отснятые кадры, думая обнаружить там домашнее видео, но увидел нечто настолько невообразимое, что упал со стула и, наделав шума криками, протянул камеру жене и детям прибежавшим узнать, в чем тут дело.

– Твари! – заорала жена, отшвыривая видеокамеру.

– Нибируйцы! – узнали отснятое, дети.

– Поспешай! – вспомнила Маринка.

Домовик вздрогнул и уронил бутерброд:

– Ничего себе семейка, – пробормотал он удивленно, – глядишь, они так и покорителями мира станут!

Тетя Люба, которой домашние протянули камеру, ничего не вспомнила, а пожав плечами, только произнесла с разочарованием в голосе, что, конечно же любит фантастику, но не такую, грандиозную и не с такой героиней, которая простой поварешкой бьет по лбу серо-зеленому инопланетянину...

Знахарь

Жил он глубоко в лесу, аж за Вилядью. Дом у него, говорят, был здоровенный, каменный, окруженный со всех сторон не забором, а частоколом. Перед частоколом вырыт был глубокий ров с водой, а в воде брюхом кверху плавали мертвые волки с оскаленными пастьями и навсегда застывшими в ненависти мутными глазами.

Говорят, не ладил знахарь с волчьими стаями и они, объединяясь, охотились на него.

А еще говорят, что у знахаря мать – ведьма, ну последнее может, и было правдой...

Долго стучаться не пришлось. Дверь скрипнула и распахнулась сама собою.

Я заглянула. Внутри, изба выглядела совершенно такой же, как в сказках про Бабу-ягу. В углах черными тряпками свисали лохмотья многолетней паутины. Посуда на не крашеном столе стояла деревянная, с деревянными ложками. Печь не беленая, потемневшая, жарко трещала дровами, а с печи сверкал на меня желтыми глазами большущий черный кот. Повсюду лежал толстый слой пыли. На серой стене с вылинявшими обоями виднелись масляные пятна со следами рук и затылков хозяев дома. И размахивая маятником, отстукивали время тусклые часы со стершимся, неразличимым уже, рисунком.

С одной стороны печи виднелся железный рукомо́йник, с другой, стояла, заваленная лоскутными одеялами, деревянная кровать.

Жилище знахаря напоминало о бедности, а может о скудости или, возможно, речь шла и вовсе об откровенном безумии, когда хозяевам не до приличий и, уносясь мыслями в придуманные миры, они не в состоянии заботиться о чистоте и порядке, куда уж им до элементарных приборок!

Ярким доказательством моей последней версии тут же и послужила сама хозяйка дома.

У раскаленной печи тяжело возилась сторбленная старуха. Она резко обернулась на нас, застрявших в дверях, крикнула почему-то мужицким басом:

– Войдите!

И зарычала, размахивая над головой шипящей от жара, сковородкой:

– А, черти, явились! Ну, я вас сейчас!

Мы задом полезли в двери. А старуха, злобно скаля искусственные белые ровные зубы, которые как-то не вязались с ее обликом Бабы-яги, с засаленными, не чесаными космами седых волос небрежно рассыпавшихся по плечам, все наступала, плюя нам вслед, стремясь, непременно, доплюнуть до нас:

– Тьфу на вас, проклятые! – кричала она и было видно, что она принимает нас именно за чертей.

Оплеванные, мы вывалились, наконец, из избы, совсем

не похожей на каменный дом, кубарем скатились с шаткого крыльца и выскочив со двора, разом драпанули в лес.

А безумная горбунья выскочив из дверей, неумоимо заплясала, строя насмешливые рожи и показывая нам вслед дули.

Отбежав на безопасное расстояние, мы спрятались за толстым стволом сосны и оттуда выглядывали, рассматривая со страхом и недоумением беснующуюся ведьму.

Конечно же, никакого забора из кольев и рва с мертвыми волками и в помине не было. Разве что изба из бревен, поросшая зеленым мхом, ряд сараев да загон для скотины, где паслись два теленка и парочка грязных худых коз. Перед домом заросшая травой была кое-какая полянка, а позади, виднелся небольшой огородик. Вот и все, довольно скучно и прозаично.

Если бы не ведьма. Она, наконец, утомилась, убралась в избу и оттуда иногда вскрикивала визгливым голосом, повторяя что-то о чертях. Но прошло еще немного времени и мы услышали ее густой храп и, переведя дух, воспользовавшись временным затишьем, смогли обсудить дальнейшие наши действия.

Мы – это Петрусь и я.

Петрусь, из политических заключенных, родом из Белоруссии. Когда он вспоминал о жене, оставшейся на родине, его грустные светло-карие глаза наполнялись слезами, веки краснели, и он плакал беззвучно, роняя крупные слезы на ис-

коверканные старостью и ревматизмом, темные руки.

Жена после его ареста сошлась с человеком, которому Петрусь безгранично доверял, с его лучшим другом. Предательство близких людей каленым железом выжгло его душу и он, чтобы уйти от душевной боли стал попивать горькую, а выпив, веселел, принимался шататься по дворам Вычегодского, впрочем, далеко подальше обходя дома, где жили охранники сталинских концлагерей.

Широко разводя руками, будто для объятий, он принимался плясать, сам себе подпевая. Пел он высоким тоненьким голоском, смахивающим на мальчишеский. Знал прорву блатных песен и мог, без передышки, ни разу не повторившись, спеть одну за другой, правда большинство все же были похабные, но Петрусь только отмахивался, говоря возмущенным блюстителем приличного поведения в обществе, что песенки эти народные и, стало быть, чего тут...

Впрочем, Петрусь не пел плохих песен при детях, детей он очень любил, своих не успел народить и цеплялся за поселковых. Дети чувствовали искренность со стороны Петруся и нередко даже приглашали его равноправным участником в свои игры. Он был незаменим. Мог на ходу починить сломанные санки, мог развести драчунов, мог справедливо разобраться в любом конфликте, нередко возникающем посреди детских компаний просто так, на пустом месте. Мог утешить плачущих и одарить их великолепной белорусской сказкой. За его спиной детвора чувствовала себя счастливой.

Именно потому и мне он вызвался помочь. Мы с ним непременно должны были найти знахаря. Прабабушка моя сильно страдала, из почерневших ног у нее сочился гной, а врачи только руками разводили, утверждая, что – это тромбоз флебит и что же тут поделаешь?

Целители? Приходили во множестве, отовсюду, бойкие старушонки приезжали из Котласа, приходили пешком бабы с хитрющими глазами из соседней Коряжмы. Все они что-то делали такое, катали соль по столу, брызгали святой водой на прабабушку, просто талдычили старинные заговоры, шептали по углам, но толку, естественно, не было.

И вот, вычегодские вспомнили о знахаре, живущем глубоко в тайге, за Вилядью. К жилищу его вела заросшая травой лесная дорога вся в рытвинах и колдобинах наполненных зеленой водой.

О самом знахаре мало что было известно, говорили только, что он очень сильный колдун, что брался не за каждого, кто к нему обращался. Говорили еще, что денег не принимает, а только продукты. Говорили, что мало кто его видел, работать с людьми не любил, а все норовил болотную нежить лечить и те для прокорма ему приносили в качестве платы старинные захоронки именитых купцов, золото да драгоценности.

Может, что и правда, а может и нет, но все же чем черт не шутит? Взяли мы с Петрусем палку колбасы домашнего изготовления, взяли кусок сала, несколько банок тушенки

и каравай домашнего хлеба, сложили в рюкзак. Петрусь мне его не доверил, с сомнением оглядев мою хлипкую фигурку восьмилетнего человечка, а хмыкнул и взвалил дары для знахаря на себя...

– Пошли, что ли? – неуверенно предложил Петрусь, потянув меня за рукав. – Боязно как-то...

– Ну, нет, – вспылила я, с ненавистью глядя на избу, где храпела раскатистым храпом злая старуха, – я не уйду, пока не узнаю, где мне ее сыночка отыскать!

Но на пути к дому, меня охватило сомнение, ну что можно добиться от сумасшедшего человека? Да и делиться ли с ней информацией сам знахарь, может он уходит себе спозаранку куда-нибудь в лес или к больному в дальнюю деревушку, а старуха, зная себе прыгает возле печки и стряпает какой-никакой да обед?.. И не успела я додумать свою мысль, как мягкий шелест у меня над головой заставил меня поднять взгляд вверх.

Прямо с неба, медленно, опускался на двор знахарь.

Неотрывно, смотрел он мне в лицо, и было в его глазах нечто повелительное, требовательное, жаждущее от меня каких-то действий.

И под этим взглядом мне захотелось опуститься на землю у ног его и тупо, ни о чем не думая, просидеть так всю жизнь. Зачарованно, не отрываясь от его глаз, я шагнула к нему, протягивая руки, как к самому родному существу на всей Земле и позабыв почему-то всю устную речь, не в силах бы-

ла произнести ни слова, лишь грустная мелодия заполнила мою, враз, ослабевшую душу.

Он внял моей немой мольбе и, коснувшись прохладными пальцами моей щеки, наклонился, сгреб меня в охапку, посадив на сгиб своей правой руки, легко оторвался от земли.

Я только и заметила краем глаза, как роняя рюкзак с дарами, Петрусь, до того, семенивший за мной, остановился, словно вкопанный.

Губы у Петруся дрожали, глаза наполнились слезами и он, всплеснув руками, повалился на колени, с невыразимой тоской глядя на знахаря поднимающегося неторопливо и уверенно со мною в небо.

Душа у меня замирала в груди, дух захватывало так, как это бывает во время катания с горки. Я всегда боялась высоты и, проходя, однажды, через большой ярославский мост через Волгу вцепилась в руку отца мертвой хваткой, так что он был вынужден меня нести, но до самого конца моста я глаз не открывала, крепко зажмурясь и только слышала, что плеск воды где-то далеко внизу да гудение теплохода проплывающего у нас под ногами.

Теперь, под ногами шумело зеленоватое море бесконечной тайги. Изредка, ядовитыми пятнами мелькали маленькие болотца. Открывалось вдруг оконце ослепительной чистой воды лесного озерца. И снова, шумело зеленоватое море тайги, тянулись к солнцу сосны-великаны и старые ели, сговорившись, заслоняли свет унылым березкам.

Распустив черные крылья, хрипло вскрикивая, взлетели к нам грачи и вороны, но разглядев нас поближе, камнем упали вниз, с шумом обрушиваясь в густую зелень вершин деревьев, как бы испугавшись и отчаянно стремясь спрятаться от знахаря, не меня же они, в самом деле, боялись?

Мы летели, абсолютно молча, я уже давно обнимала его за шею, временами отваживаясь открыть глаза, чтобы оглядеться и заглянуть ему в лицо.

Он не возражал против моих объятий, а только, изредка, озарял меня ласковым светом голубых глаз. Ресницы, такие длинные и пушистые, что любая девчонка обзавидовалась бы, бросали тени на его щеки.

На пышные белые волосы, вздымающиеся мягкими волнами на голове, падал яркий свет солнца, и казалось, что цвет волос отдает чуть-чуть в желтизну, но это даже радовало, так как знахарь из-за этого преломления света не представлялся мне не земным.

К тому же, верхние пуговицы белой рубашки были растегнуты, и видно было, как на шее у него бьется некая жилка, отражая равномерные удары сердца.

Однако, все же тело его, облаченное в белую одежду, безо всякого сомнения, светилось ровным, не ослабевающим ни на секунду, золотистым светом.

Знахарь в ореоле этого света выглядел очень красивым, наверное, немало женских сердец он бы погубил...

Временами, он смотрел мне в глаза так пристально, что

у меня кружилась голова, и я в прямом смысле этого слова чувствовала, что вот-вот потеряю сознание.

Ветер не оказывал нам никакого сопротивления, напротив, когда мы только поднялись в воздух, крепкий ветер кинулся к нам, намереваясь сдуть нас с облаков на землю, но наткнувшись на упрямый взгляд знахаря, сразу же переменял направление и теперь подпирал ступни наших ног, ощутимо помогая и служа нам. Порою, он с шумом, как бы в восторге, носился вокруг нас шаловливым, но преданным щенком, обе мои косы с бантиками вздымал кверху, а бантики, в конце концов, развязал. Я смеялась. Увлеченная этой непонятной игрой даже как-то подзабыла о своей высотебоязни. Ветер распустил мои косы и, превратив их вначале во «взрыв на макаронной фабрике», затем бережно, воздушными пальчиками, расчесал, присвоив, правда, себе бантики.

Знахарь взглянул на меня благосклонно, как видно, одобряя мою новую прическу.

Куда мы летели, я не знала, да и не хотела знать. Далеко позади, остались воспоминания о родителях и больной прабабушке. Ничто не мучило меня больше. Мне только хотелось стать тенью знахаря, следовать за ним повсюду и чувствовать себя счастливой лишь от того, что он рядом.

Я не могла точно определить его возраст, но выглядел он молодым, хотя в глазах его, как у древних стариков, нет-нет, но мелькали тени грустных воспоминаний о прожитых бес-

конечных десятках лет, многих лет.

Мы обогнули весь земной шар. Я видела, как заходило огромное красное солнце, опускаясь за горизонт серых волн беспокойного океана, и я видела, как солнце восходит, отражаясь в стеклах окон небоскребов большого города. Иногда мы опускались низко-низко и проносились над поверхностью некоего моря, из воды тогда выскакивали дельфины и, стремясь обогнать нас, летели ласточками вперед, ныряли, уходя торпедами под воду, и снова взлетали. Но знахарь, невольно улыбнувшись и помахав им на прощание свободной рукой, все же оставил их позади. До моего слуха донеслось запоздалое стрекотание, я оглянулась и увидела, как прощаясь с нами, дельфины весело танцуют на кончиках своих хвостов, кивают своими большими головами и машут нам вслед лапами. Выглядели они при этом, ну совсем, как люди...

Миновав на большой высоте города и селения, мы снова опустились к зеленому морю тайги.

Перед Вычегодским стали снижаться и мягко приземлились посреди березовой рощи рядом с крайними домами.

Ни слова не говоря, он опустил меня со сгиба своей правой руки, поставил на землю и, взяв за руку, легонько сжав мою ладонь своими прохладными, тонкими пальцами повел к дому.

Поселок, залитый светом вечернего заката, гудел. Много народа волновалось возле нашего дома. Все еще пребывая

под впечатлением обаяния знахаря, я ни на что не обращала внимания, а тихо шла, увлекаемая своим чудесным проводником и спокойно, как бы со стороны, наблюдала за происходящим.

Посреди толпы стоял старый мужик, толстый, рыхлый, весь налитой самогоном и жирными щами. Маленькими, заплывшими глазками он зорко следил за нами. От квадратной его фигуры исходила некая угроза.

Возле мужика вьюном вился Петрусь, конечно, за целый день, а были мы у избышки знахаря утром, он успел добратъся от Виляди до Вычегодского. В руках у Петруся болтался рюкзак с дарами, по всей вероятности он пытался всучить их толстому мужику. Я глядела, недоумеваю.

Мы подошли. Мужик молчал, изучая недоверчиво лицо знахаря. Наконец, среди перешептываний и переглядываний толпы, мужик, внезапно, охнул и грузно шлепнулся на колени, прогудел едва слышно и очень сконфуженно:

– Прости, Хозяин, не признал!

А после, резво вскочив, принялся ретиво отталкивать удивленную толпу, давая дорогу знахарю. Мужик этот все успевал, он и кланялся перед знахарем, и замахивался на неповоротливых поселковых мужиков, и отпихивал любопытных баб. Впрочем, его услужливые увертки знахарь, кажется и не замечал вовсе, он даже бровью не повел, а только вошел в дом, взглянул строго в глаза моей прабабушки, наложил свои прекрасные белые руки на ее почерневшие ис-

текающие гноем ноги и на глазах у всех вычегодцев, повисших даже на подоконнике окна, ноги у нее посветлели, раны затянулись, разбухшие вены сузились и спрятались под кожей, сделавшись почти незаметными.

Прабабушка без страданий и слез встала на ноги и пошла под всеобщее ликование толпы. Кинулись, было, качать знахаря, но он, как в воду канул, исчез и никто не понял, куда. Искали, искали, так и не нашли.

И только толстый мужик прояснил ситуацию. Он уронил странные слова, которые пушечным ядром ударили всех присутствующих:

– Тот, кого вы видели, кто ее исцелил, – и он ткнул пальцем в мою прабабушку, – не человек вовсе, а ангел!

И замолчал, оцупывая придирчивым взглядом мое лицо. А народ вокруг громко и одновременно вскрикнул. Заголосили старухи. Повсюду замельтешили крестные знамения, которыми осеяли себя в великой радости, люди.

Церкви в поселке закрыли еще на заре советской власти и они теперь использовались под разные склады, а в одной даже клуб соорудили, в алтаре сколотили сцену, принялись играть спектакли, проводить собрания, исполнять концертные номера. Естественно, в клуб ходили только молодые, а старые люди упирались, ругались с начальством, ни почем не соглашаясь войти в опозоренную церковь. Бывало даже начальство вынуждено было проводить общие собрания с упрямыми вычегодцами прямо перед клубом, во дво-

ре.

Население поселка успело еще до разграбления церковью большевиками, как-то так, по-звериному, все припрятать. Не досталось красным комиссарам золото иконостасов.

Нередко, заходя с бабушкой, к кому-нибудь в гости я видела огоньки свечей, зажженные перед стеклом киотов с темными, не различимыми ликами святых. У некоторых хранились поистине драгоценные произведения русской иконописи – иконы, украшенные жемчугом.

В сундуках, бережно завернутые в холстины, наряду с юбками и платками сберегались одеяния священнослужителей. И старинные толстые книги на церковно-славянском языке лежали тут же, заботливо пересыпанные нафталином, чтобы моль не пожрала. Сберегались они до тех счастливых времен, когда в церквях снова начнутся службы и веселые звонари пустят над поселком малиновый колокольный звон...

Весной, под жаркими лучами мартовского солнышка и вещи священников, и книги можно было увидеть развешанными на бельевых веревках вычегодцев. И странное же это было зрелище...

Конечно, привычные поселяне проходили мимо, а вот только что освободившиеся из зон, а зоны, надо сказать, окружали поселок со всех сторон, новички разевали рты, надолго застревая столбом и разглядывая, словно чудо, сияющую парчу облачения попов и блестящие застежки церковных книг.

Порой, из бывших политических заключенных находился один, знающий церковно-славянский язык и его приглашали в чей-нибудь дом. При полном собрании верующих, он читал скороговоркой непонятные слова из книг, а собрание тяжело вздыхало, плакало и, крестясь, вставало на колени, отчаянно тоскуя по церкви и молитвенным бдениям.

Конечно, все жаждали заполучить настоящего священника, но даже последнего псаломщика России высылали на далекие Соловки, где для них были уже вырыты могилы и, где под каждым деревом покоились останки какого-нибудь безобидного батюшки, преступление которого только в том и заключалось, что он служил Богу.

Услышав об ангеле, исцелившем мою прабабушку, вычегодские, не сговариваясь, со слезами на глазах, сбежались к нашему дому в большом количестве.

Мужик оглядев все нарастающую толпу, взял меня за плечо, быстрым шагом, решительно вытащил из прабабушкиного дома и, двигаясь в ту же сторону, откуда я пришла, увлекаемая знахарем, кинул взгляд назад. Вся толпа на почти-тельном расстоянии последовала за нами.

После недолгого напряженного молчания он сказал, зачем-то растягивая слова:

– А ведь знахарь-то я! И это я живу с сумасшедшей матерью в лесу, за Вилядью.

Я остановилась, потрясенно взглядываясь в него, нет, мужик не врал, глядел честно и открыто.

– Кто же тогда был со мной? Неужели все-таки, ангел?

Настоящий знахарь кивнул и настойчиво, даже требовательно заглядывая мне в глаза, спросил:

– А какой ангел, ты знаешь?

Я покачала головой. Он же оглядел на меня с удивлением.

– И что ты такое, раз сам Хозяин обратил на тебя внимание?

Я пожала плечами, не догадываясь пока, о чем, собственно, идет речь...

Это событие надолго выбило меня из колеи. И я замкнулась в себе, часто покидая поселок, забиралась на деревья, вглядываясь в небо, надеясь увидеть его, летящего высоко в облаках. Но видела, разве только во снах...

Прабабушка моя после чудесного исцеления выздоровела настолько, что даже никогда не простужалась. Ноги у нее не болели вовсе и до конца своей жизни, а прожила она до девяносто девяти лет, резво бегала в тайгу за ягодами и грибами, робыла на огороде, плясала на поселковых танцульках и все норовила перепеть Петруся.

Петрусь? Перестал плакать и думать забыл о предательстве жены и друга, он выкинул их из своей памяти раз и навсегда. И на юбилей, когда ему стукнуло шестьдесят, взял да и женился, поразив всех вычегодцев, в самое сердце. Жена, ему под стать, легкая и веселая Зинява, вдовица, имела уже пятерых деточек. Петрусь моментально стал их любимцем и они, наперебой, спеша друг друга перекричать, моменталь-

но принялись называть его папкой. Частенько он рассказывал им об ангеле и бережно вытаскивая из сундука жены одну из толстых книг, спасенных из церкви от ига большевиков еще матерью Зинявы, раскрывал, вместе с детворой пытался прочесть что-то, неумело складывая причудливые буквы в понятные русские слова. Он стал очень набожным и, молясь, вслух упоминал о чудесном видении ангела, не догадываясь об истинной сущности этого ангела, а самому Ангелу какое было дело до его молитв?.

Инопланетяне

Алешке снились облака. Пушистые, легкие, белые, они проносились у него под ногами. Впрочем, под ногами, громко сказано. Алешка человеком не был, а так, неким драконом, может даже, воздушным змием, он и сам не понял.

Летел, летел, снизился и покатился клубочком по мягкой траве. Вокруг товарищи Алешки проделывали разные номера, крутились на месте, подпрыгивали и взлетали, кто выше. Век бы резвились, не зная усталости! Но вот появились старшие, включили широкие экраны, понатыканные, кажется, повсюду, куда, ни взгляни и в развлечения вторглась программа обучения. Зрелищная, но все же, программа.

Алешка проснулся, неподвижно устремив глаза в потолок, полежал так некоторое время.

На соседней кровати завозился брат, Владька. Солнечный луч, проникнув сквозь щелку в занавесках, ослепил его. Владька застонал:

– Не хочу в школу!

Алешка взглянул на него печально:

– А дома мы бы сейчас летали и играли, представляешь? – тяжело вздохнул Алешка. – Обучались, конечно, но не зубрили, как здесь, глядели бы себе на экранах специальные filmy и все это, ты только вообрази, не отрываясь от игр! И никаких отметок, никаких учителей и школ!

Владька вздохнул, сочувствуя:

– Опять другая планета снилась?

– Не другая, а наша, – строго поправил брата, Алешка.

– Наша, – мечтательно вздохнул Владька, – эх, попасть бы туда хоть разочек!

– Держи карман шире! – проворчал Алешка, садясь в постели. – Сослали нас, как и всех остальных, сослали на Землю!

– Мальчики, вы встали? – послышался женский голос из-за двери. – Завтрак на столе, я на работу!

– Мама, пока! – хором воскликнули братья, как видно, привыкнув к ежедневному ритуалу.

Уже по дороге к школе, они продолжили прерванный, было, разговор.

– За что нас сослали? – допытывался Владька, весело подпрыгивая на мерзлых лужах.

Алешка следил за его действиями, нахмурившись:

– За беззаботность, я думаю!

Владька попробовал разбить лужу, не получилось.

– Дай-ка я!

Но и Алешке не удалось разбить. Более легкий, Владька предложил вместе разбежаться и со всего маху прыгнуть, братья так и сделали. Лед на луже даже не треснул.

Раздосадованные, не добившиеся своего, они продолжили путь.

– А зима на нашей планете есть? – спросил Владька.

– Нет, – твердо решил Алешка и добавил, подумав, – видишь, никто из нынешних подростков, наших товарищей по дому, одеваться, тепло не умеет? Зима для нас в тягость!

Мимо, словно в доказательство слов Алешки, пробежали две девятиклассницы в осенних ботиночках, тоненьких курточках и обтягивающих брючках. Зато, гривы пышных волос и накрашенные ресницы были на месте.

– Модницы, – скривился Владька.

– И мальчики не отстают, – авторитетно заявил Алешка, он был старше брата на год.

В школе стоял характерный шум свойственный всякому утру проведенному в сером учреждении. Сердитые, не выспавшиеся школьники готовились к занятиям.

Другое дело, после уроков, когда пестрая толпа учеников, не особенно торопясь, шла по школьному двору, взрываясь хохотом и ни с того, ни с сего начиная шуточные потасовки.

Впрочем, нет, ученики остановились. Алешка сердито наблюдал за нетрезвым гражданином, пытавшимся разбить каблуком ботинка ту самую замерзшую лужу, что били они с братом.

Подняв голову, нетрезвый проворчал:

– Налили тут луж, заморозили, а ты мучайся!

Алешка брезгливо наблюдал.

– Сына! – нетрезвый развел руками и вдруг, брякнулся на колени. – Дай семь рублей, не хватает отцу!

– Ты мне не отец! – выкрикнул Алешка, но денег дал.

Нетрезвый униженно кланяясь, роняя слюну на воротник зашарпанного пальто, повернулся, мгновенно перешел на бег.

– Спринтер, как рванул! – прокомментировал Алешка и крикнул вслед. – Скатертью дорога! Катись колбаской по Малой Спасской!

Ученики, окружавшие его, молчали, привыкнув уже к этой сцене.

Алешка вернулся к прерванному с ними разговору:

– Земное притяжение делает свое дело, и мы вместо наслаждения полетом получаем переломы костей.

– Надо организовать для нас залы с антигравитационным полем, – поддержал его один товарищ.

– Вот, вырастим и всем покажем! – грозил кому-то другой.

– Вначале вырасти, стань ученым, а уж после угрожай! – дразнился третий.

– Дрянь какая, эта Земля! – воскликнул с досадой Алешка. – А люди, вы посмотрите, какие люди ее населяют? Ведь это невозможно вынести, взять хотя бы пьяниц!

– И школы, здесь, есть! – подоспел запыхавшийся Владька.

– Мальчики, я вам торт шоколадный купила! – выкрикнула тут милостивая, молодая еще женщина.

– Мама! – позабыв обо всем на свете и бросив товарищей, вскрикнули братья, наперегонки устремляясь к матери.

– А, все же! – уплетая сладкий кусок торта, выговорил через несколько минут Алешка, сидя на кухне. – Здесь, имеется нечто хорошее!

– Да! – вздохнул Владька, мечтательно смакуя свой кусок торта. – Век бы ел, люблю сладкое!

– Какие же вы у меня молодцы! – чмокнула в макушку каждого из сыновей, мама.

Она держала в руках дневники братьев:

– Алеша пятерку по физике получил, а Владик пятерку по математике отхватил!

Братья переглянулись и, сияя довольными улыбками, вернулись к тарту, мысли о другой планете и другом доме на время были оставлены...

Мальчик по фамилии Кот

Прямая, как палка, высокая плоскогрудая учительница в коричневом костюме, состоявшем из безразмерного пиджака и длиной до пят, юбке, с крашеными ярко-бардовыми волосами, собранными на затылке в огромный узел, вошла в класс. Мгновенно наступила тишина. Скакавшие до того, ученики, как по команде, бросились к своим партам и застыли истуканами.

– Сидеть! – отчеканила она, проходя к учительскому столу.

Ученики сели. Учительница грохнула журнал с оценками об стол:

– Где Кот? Почему опять нет Кота?

Боязливая тишина была ей ответом.

– Дежурный!

Встала девочка. Торопливо оправив форму, состоявшую из синего платья до колен и белого воротничка, невнятно проямлила:

– Кот отсутствует!

– Причина? – возвысила голос учительница.

– Наверное, опять прогуливает, – пожалала плечами девочка и опустила обратно, на свое место.

Учительница в ярости обвела класс, взглядом:

– Кот прогуливает, – тихо, зловеще начала она, – а у нас

новая тема. Кот соизволит придти, и я принуждена буду оставаться с ним после уроков, но я не хочу, слышите ли, не хочу тратить свое драгоценное время на какого-то там Кота!

Класс молчал. Каждый, втянув голову в плечи, понурившись, смотрел в парту.

– Итак, я решила, – заявила она, – отличники, Серов и Марьянова, сегодня же возьмут на «буксир» двоечника и прогульщика Кота!

В классе царило гробовое молчание.

– Никаких возражений! – хлопнула она ладонью по столу. – Объясняйте ему новую тему, пока не поймет!

И она, пренебрежительно фыркнув, приступила к уроку. Медленно, поставленным голосом роняя фразы так, что каждый и каждая в классе понимали, о чем речь. И даже расскажи она им сейчас тригонометрические примеры из высшей математики, ученики и тут поняли бы, постигнув все циферки, плюсы и минусы до самой, как говорится, сути.

Кот слышал объяснение новой темы, он подслушивал в щелочку двери. Войти не решился, опоздавшему на урок лучше было бы помереть, нежели выслушать лавину обвинений от математички.

Кот – это фамилия и одновременно, прозвище. Имя – Ленка. Ученик шестого класса, человек двенадцати лет, с фантастической прической дыбом, веснушками на носу, без школьной формы, но в сером костюме, при бабочке.

– Опять бабочку нацепил? – потеснила его от двери класса, техничка тетя Поля.

– Ну и нацепил! – с вызовом, сказал Ленька, – что хочу, то и ношу, и никто меня не заставит таскать глупую школьную форму!

– Все таскают, и ты таскай! – посоветовала тетя Поля, натирая полы рекреации шваброй с мокрой тряпкой.

– Все будут в колодезь прыгать и мне прыгнуть?! – с иронией в голосе, спросил Ленька Кот.

– Ишь ты, – удивилась тетя Поля, выпрямившись и опираясь на швабру, – стало быть, ты – анархист?

– Анархия – мать порядка! – вспомнил из истории, Ленька.

– Чудной, – покачала головой техничка, – и чего в класс не идешь?

– Там Тать Геннадьевна! – понизив голос до шепота, сообщил Ленька.

– Татьяна Геннадьевна? – уточнила тетя Поля.

– Она! – обреченно вздохнул Ленька.

– Ну, тогда иди, гуляй, – разрешила техничка, – с ней, действительно, лучше не связываться! И как таких в учительши пускают, не пойму! Ей бы в армию, солдатами командовать!

На крыльце Леньку поджидал дворовый пес.

– Привет, Жулик! – Ленька порылся в рюкзаке, достал бутерброды из коробки для завтраков, отдал собаке. – Налетай, дружище, мне бутики без надобности!

Погода для прогулки стояла отличная. Сухая осень, без дождей, облачила деревья в золотые наряды. В школьном дворе для развития спортивных способностей стояли турникеты, Ленька попытался было подтянуться, но потерпев неудачу, кивнул смирившись. Был он худощав и легок на подъем, но не силен, впрочем, как многие дети своего времени героем чувствовал себя только в виртуальных играх компьютерного мира.

В Макдональдсе, Ленька купил на свои карманные деньги гамбургер и, усевшись в уголке, выудил из рюкзака планшет, с головой погрузившись в игры. Через два часа пришел в себя, огляделся, решив продвигаться домой.

Дома никого не было, родители на работе, ну, а бабушка, конечно же, на даче, где у нее всегда находились дела.

От нечего делать, Ленька разогрел вчерашний борщ, налил от души полную тарелку, приправил майонезом и только собрался, есть, как его прервали. В окно кто-то вежливо постучал. Ленька выглянул и рот разинул. В воздухе, перед окном, стоял карлик, в синем суконном фраке, коротком желтом жилете, кожаных штанах, сапогах с отворотами и черном цилиндре.

Ленька оторопело рассматривал карлика.

– Ты кто? – спросил карлик так, будто он был хозяином квартиры.

– Кот! – машинально ответил Ленька.

– Я так и думал! – заявил карлик и легко влез в форточку.

Усевшись на табуретку, гость с достоинством пододвинул ленькину тарелку.

– Вкусное кушанье! – заметил он Леньке про борщ.

– Мама сготовила, – пробормотал Ленька, оторопело наблюдая, как карлик уплетает его суп.

– Ну? – строго сдвинув брови, нахмурился карлик. – Знаешь ли, я думал, ты меня угостишь блюдом собственного приготовления!

– Я не умею! – сообщил Ленька, растерявшись окончательно.

Карлик рассердился:

– Как так? Головой едва до притолоки не достаешь, а не умеешь готовить?

И щелкнул пальцами.

Ленька закрутился на месте, тут же выхватил из духовки утятницу, принялся чистить картошку. Не успев сообразить, полез в овощной ящик за морковкой и луком, быстро, как будто всю жизнь учился на повара, нашинковал. Кинулся к морозилке, достал мясо.

А когда загрузил овощи с кусочками мяса в утятницу, когда добавил специй и посолил, включил духовку, карлик снова щелкнул пальцами. Ленька автоматом поставил утятницу в духовку.

– Ну вот, – удовлетворенно потер руками, карлик. – Одно блюдо ты научился готовить.

Ленька перевел дух, без сил привалился к стене. Карлик

хозяином пошел по квартире, повсюду заглядывая, слышался его ворчливый голос:

– Убого как-то, ни картин, ни подсвечников, а камин где? – брюзжал карлик.

– Чем богаты, – машинально пробормотал Ленька.

– И пыльно, – сморщил нос странный гость, возвращаясь на кухню, – ты что, совсем не убираешься?

– Мама убирает! – сообщил Ленька.

Карлик снова рассердился:

– Ах, мама! – и щелкнул пальцами.

Ленька засновал по квартире, не хуже технички, тети Поли, намотав на швабру сырую тряпку, принялся мыть, скрести. Карлик командовал, взобравшись с ногами на диван, в гостиной. Когда Ленька вытер пыль в своей комнате, раздался звонок в дверь.

Карлик посмотрел на Леньку с изумлением и растворился в воздухе.

– Наваждение какое-то, – вытирая руки о штаны, пробормотал Ленька, отправляясь открывать.

На пороге стояли сердитые отличники Серов и Марьянова.

– Очень надо тебе новую тему объяснять! – обиженно высказался Серов.

– Да! – поддакнула Марьянова.

Серов прошел в гостиную, поглядел на чистый пол, повел носом:

– Прибырался что ли? – заметил Леньке, Серов. – Хочешь матери угодить?

– Да? – поддакнула Марьянова.

– А пахнет как вкусно, неужели что-то готовишь? Хочешь отцу угодить?

– Да? – поддакнула Марьянова.

– И незачем в грязной обуви по чистому полу ходить! – материализовался на диване, карлик.

– Ой! – уронила портфель Марьянова.

– А вы ленькин родственник? – догадался Серов, решив, что попросту не заметил маленького человечка.

– Родственник – это я еще понимаю, – задумался карлик, – но что такое, ленькин?

– Его родственник? – ткнул пальцем в неподвижного Кота, Серов и бесцеремонно добавил. – Так это у вас наследственное?

– Что именно? – сварливо осведомился карлик, чувствуя подвох в словах отличника.

– Тупость! – выдал Серов.

– Да! – поддакнула Марьянова.

В следующую минуту отличники, отчаянно сопротивляясь, были выпихнуты карликом на лестничную площадку.

Захлопнув двери, он повернулся к Леньке:

– Ну и друзья у тебя! – возмущению его не было предела.

– Они мне не друзья! – возразил Ленька. – Они – отличники!

– Отличники, – задумался карлик, по всему видать, пытаюсь найти объяснение этой фразе.

– Учатся хорошо, – подсказал Ленька, видя затруднение гостя.

– Учатся у частного учителя? – уточнил гость, возвращаясь на кухню, к недоеденному борщу.

– В школе, – пояснил Ленька, и пока карлик не задумался, в поисках объяснения слову «школа», торопливо задал вопрос:

– А вы кто?

– Я, милостивый государь, доброхот! – гордо выпрямился карлик.

Ленька удивленно глядел на карлика.

– Доброхот?

– Доброхот! – подтвердил карлик, повисая в воздухе, перед раковиной и пока он мыл тарелку, Ленька все пытался осмыслить сказанное карликом.

– И что же делает доброхот?

– А учит такого ленивца, как ты! – радостно сообщил карлик и велел, – А ну-ка, доставай свое варево, пробовать будем!

Ленька, воспользовавшись мамиными прихватками, послушно достал из духовки утятницу.

Жаркое оказалось очень вкусным. Ленька ел с удовольствием, карлик тоже ел и нахваливал:

– Вот, молодец, вот как вкусно сготовил!

В двери позвонили. Карлик посмотрел на Леньку с изумлением, но исчезать не стал:

– Наверное, опять твои отличники явились!

На пороге стояла Тать Геннадьевна. Сердитая и непреклонная.

– Ты, что же это, Кот, школу прогуливаешь?

Ленька отступил на кухню, в надежде, что карлик опять вмешается и выгонит учительницу. Но карлик смотрел с восхищением.

– Ах, какая! – воскликнул он и подлетел к учительнице, уже переступившей порог квартиры.

– Летать, как вы можете летать?! – вскрикнула учительница, с ужасом наблюдая за полетом карлика. – Это противоречит всем законам физики!

– А что такое физика? – с обожанием рассматривая ярко-бардовые волосы Татьяны Геннадьевны, спросил карлик.

– Не знать, что такое физика?! – воскликнула учительница и привалилась к стене.

– Вам плохо? – забеспокоился карлик и, повернувшись к Леньке, велел. – Принеси холодной воды!

– В чем принести? – никак не мог придти в себя, Ленька.

– В стакане! – рассердился карлик и щелкнул пальцами.

Кота закрутило, через мгновение он уже стоял перед учительницей со стаканом холодной кипяченой воды из чайника.

– Каков молодец! – удивилась учительница и, поглядев

на карлика, заметила. – Эх, мне бы такую способность, у меня все ученики, тогда бы отличниками сделались!

– Отличниками? – тут же оскорбился карлик. – Ваши отличники не показались мне воспитанными людьми, взяли и весь пол истоптали грязными ботинками, а он трудился!

Ткнул он пальцем в Леньку.

– Кто трудился? – пришла в себя Тать Геннадьевна и пренебрежительно фыркнула. – Кот трудился?

Карлик торжественно кивнул, скрестив на груди руки.

– Никогда не поверю! – заявила учительница. – Более ленивого и глупого ученика, чем Кот, у меня отродясь не бывало!

– Значит, плохо учите! – парировал карлик.

– Это я-то плохо учу! – закричала Татьяна Геннадьевна. – Да, я хорошо учу, только вот учиться Кот не желает, ему бы погулять!

– Значит, не интересно учите! – настаивал карлик и щелкнул пальцами.

Татьяну Геннадьевну закрутило, вынесло прочь из квартиры.

– Ах, ах! – ахала она, почти не касаясь подошвами туфель ступенек лестницы.

– Учить надо интересно! – крикнул ей вслед карлик и хлопнул двери.

– Покажи мне твои учебники! – повернулся он к Леньке.

– Может, не надо! – засомневался Ленька, но учебники

из рюкзака вытряхнул.

Доброхот забрался с ногами на диван в гостиной, принялся изучать учебный материал, надолго погрузившись в молчание.

Ленька, между тем, прошел в свою комнату, включил компьютер, стал носиться по виртуальному миру, стреляя из разного оружия и, когда уже совсем позабыл о реалиях произошедшего за день, щелкнул входной замок.

Приехала с дачи бабушка. Тяжело отдуваясь, втащила багажную тележку с сумкой, доверху забитой огородными овощами, собранными за лето.

– Ленчик, – крикнула она из прихожей, – ты дома?

– Дома! – автоматом ответил Ленька, продолжая играть.

– Ты кушал? – опять спросила бабушка.

– Кушал! – автоматом ответил Ленька, продолжая играть.

– Он стотвил вкусное жаркое, – слышалось хвастливое, с дивана.

– Ой, кто это? – вскрикнула бабушка.

Ленька тут же оторвался от компьютера и ринулся на помощь к бабушке.

Бабушка стояла, настороженно оглядывая пустую гостиную, карлик, как видно, опять исчез. Куча учебников за шестой класс лежала на диване, Ленька бросил быстрый взгляд на раскрытый учебник по алгебре и фыркнул:

– Тоже мне, зубрилкин!

– Ты про кого это? – забеспокоилась бабушка, заглядывая

за занавески.

– А ты про кого? – спросил Ленька.

– Я слышала голос, – неуверенно предположила бабушка.

– Мой голос! – утверждал Ленька.

– Или мой! – ворчливо заметил карлик, материлизовавшись на диване.

– Ай! – бабушка сдернула тапку с ноги, чтобы прихлопнуть карлика.

Но тапка по щелчку пальцев карлика, снова оказалась у нее на ноге. Бабушка впала в ступор.

– И незачем так орать! – наставительно заметил он. – Я – доброхот, помогаю, вот ему!

Ткнул он пальцем в Леньку.

– Он помогает, – подтвердил Ленька.

– Кто помогает? – машинально переспросила бабушка.

– Доброхот! – доверительно сообщил карлик и щелкнул пальцами.

Бабушка тут же кивнула и понеслась на кухню.

– Я сейчас, мальчики, – радостно сообщила она, – напеку вам пирожков с капустой!

– Люблю пирожки! – улыбнулся доброхот, снова вернувшись к учебникам.

– Зубрила, – бросил Ленька и поспешил обратно к компьютеру.

Снова раздался звонок в двери.

– Бегу, бегу, – пропела бабушка.

Ленька вышел в прихожую. На пороге стояла рассерженная Татьяна Геннадьевна.

– Ну, знаете ли, я этого не потерплю, – закричала она и наставив палец на Леньку, принялась настойчиво повторять, – Кот, а Кот, Кот, а Кот?

Кот проснулся. Сел, протирая глаза и ничегошеньки не понимая, огляделся. Оказывается, он заснул. В классе заснул. Математичка стояла возле его парты, сердито, не сводя глаз, наблюдая за его пробуждением.

– Ну, знаешь, Кот, на сей раз, ты превзошел самого себя! – объявила она. – Завтра, чтобы с родителями!

Ленька машинально кивнул.

Серов перегнулся через парту и сердито прошипел:

– Я не собираюсь тебе новую тему объяснить!

– Да! – поддакнула вредина Марьянова, сидевшая рядом с Серовым.

Ленька потряс головой и кинул растерянный взгляд за окно, где на короткий миг ему показалось, он увидел карлика из сна, доброхота учившего его готовить и прибираться, а еще карлик учебники не успел изучить, вспомнил Ленька, искренне жалея, что проснулся не вовремя.

Звонок на перемену прервал его размышления.

– Ей богу! – горячился Ленька в школьном коридоре. – А зовут его Доброхотом.

– Ну, положим, это – не имя! – возразил ему одноклассник Витька Бочкин.

Тут надо заметить, что некоторые люди вполне оправдывают свои фамилии. Так и Витька Бочкин был толстячком, и голос имел гулкий, доносящийся, будто из бочки. При этом Бочкин имел вполне положительный характер, никогда не психовал, а был добродушен и оптимистичен.

– Неужели, бывают такие реалистичные сны? – недоумевал Ленька Кот.

– Однажды, – перешел на доверительный шепот Витька, – мне приснилась фея. Маленькая, с прозрачными крылышками, порхала надо мной и сыпала волшебной пылью.

– И что? – недоверчиво сощурился Кот.

– Я летал! – уверенно закивал Витька. – Парил над деревьями!

– Здорово! – завидовал Ленька.

– А проснулся, понял, что это всего лишь сон и нервы мои не выдержали, – сообщил Витька, – расплакался.

– Это недавно было?

– Давно, – вздохнул Витька, – но я помню до сих пор!

Кот вздохнул, тоскуя и мучаясь, поглядел в окно:

– Как жаль, что это был всего лишь сон, мне доброхот понравился! – и добавил, немного подумав. – А зато я готовить научился, сегодня же попробую сготовить ту вкусняшку!..

Рассказ ученика

Обычно дети приезжают к своим бабушкам лишь на лето, но мне пришлось переехать насовсем. Бабушка сильно заболела. На семейном совете долго не совещались, а решили, надо так надо. Мама принялась делать бабушке уколы, она обладала так называемой «легкой» рукой и работала медсестрой, а отца взяли хирургом в местную районную больницу. Все соседи тут же принялись у нас лечиться. Отец долго не мог дойти с работы до дома, его все время останавливали болящие старушки с вопросами о проблемах своих старых тел.

Таким образом, родители мои оказались востребованными и на новом месте жительства, в принципе, небольшом провинциальном городишке, слава про них, как про хороших врачей, росла и росла. Дело оставалось за мной.

Две школы, современные, большие, но единственные средние учебные заведения на весь городок были переполнены. Дети учились в две смены, если бы можно было учиться в третью смену, то есть ночью, директрисы обеих учебных заведений так бы и сделали. Они искренне пожалели меня, но отказали.

В единственной гимназии на меня посмотрели как на сумасшедшего. Дети в этом учебном заведении ходили на цыпочках, старое здание двухсотлетней постройки осыпалось

и грозило рухнуть совсем, похоронив под собой и усердных, и мало усердных учеников, не говоря уже об учителях.

Директор гимназии, встрепанный, пожилой учитель с диковатым блеском в глазах провел меня по классам и коридорам, рассказывая трагическим шепотом обо всех несчастьях вверенного ему здания. Закончилась наша экскурсия возле стены, где сверху, донизу прошла новая трещина, младшеклассники, не осознавая всю опасность своего положения, хихикали и совали в трещину кулаки. Директор взвыл, бросил меня и через несколько мину, закатав рукава, уже навёл в ведре воды цементный раствор, намереваясь со старшеклассниками и свободными от уроков учителями замазывать новую напасть многострадального здания старой гимназии.

В целом получилось, что во всем городе мне более некуда было податься, кроме как православной школы при большом женском монастыре.

Школа в два этажа с квадратными чистыми окнами, занавешенными воздушными прозрачными кружевами очень мне понравилась. В просторном вестибюле при входе сидела строгая монашка в очках. Она следила за сменой обуви и тишиной в гардеробной. Пальто, плащи, куртки ученики вешали на плечики, как это делают дома с костюмами и платьями, после плечики цепляли за крючки, протянувшиеся длинными рядами во всю гардеробную с указанием номера класса. Мой класс – восьмой, был на четвертом месте от одина-

дцатого, последнего, где висели пальто строгого покроя, без подростковых фантазий и наворотов.

В школе было очень чисто, покойно и уютно. Мальчики одетые в костюмы-тройки, с жилетами и белыми рубашками, увенчанными классическими галстуками чинно беседовали, объединившись в кружки. Девочки, все как одна, с длинными волосами, перевязанными шелковыми лентами, ходили по коридорам парами или небольшими группками. Их платья удивили меня. Я все старался принять равнодушный вид, но так и тянуло взглянуть еще разок. Темного, насыщенно-синего цвета платья девочек были длинны и скрывали даже щиколотки ног. И только младшекласницам, видимо было дано послабление. Одетые в светлые нарядные платья они выглядели так, будто собрались на новогоднюю елку.

Директриса гимназии, она же настоятельница женского монастыря, в первый же день моей учебы, провела меня по всей школе. С большим достоинством она, обращаясь ко мне на «вы», продемонстрировала детские рисунки, висевшие по всей стене коридора первого этажа и точно также, будто великие реликвии показала дипломы и грамоты учеников бравших призы на разных творческих конкурсах православных школ, где главное предпочтение отдавалось, конечно же, песнопению. Эти цветные бумаги с печатями были заключены в рамочки и виднелись на протяжении всей длины стены второго этажа. Директриса смотрела на меня с надеждой, явно ожидая от меня новых побед для своей шко-

лы. Я постарался ободрить ее самой оптимистичной улыбкой, на какую только был способен, в душе сильно сомневаясь в своих певческих способностях.

Я был средним учеником, твердым троечником. Получить пятерку долгое время старался изо всех сил, учил, зубрил, старательно выписывал предложения и математические примеры. Но к классу пятому понял, что – не судьба, а троечники – тоже люди. Зато в школе занимался спокойно, без сдвигов, скачков, истерик и рыданий, и глядел только с удивлением на убивающихся по поводу четверки отличников, и искренне жалел двоечников, которые не хотели учиться, а учились в школе разве что ненависти к людям. Школа несла и отличникам, и двоечникам одно мучение. Для отличников надо было бы вообще отменить систему отметок, выявлять их склонности к наукам и обучать усиленно одних математике, а других не менее, усиленно, скажем, биологии. Вместо этого отличники рыдали и страшась получить низкую для себя оценку тратили время на бесполезную зубрежку в каком-нибудь предмете, где они были не очень сильны.

Двоечников, как правило, вовсе не ленивых людей, следовало бы разделить. Тупых и ограниченных в мышлении обучать грамотно писать, читать, считать. Большую информацию они не воспринимают, а начинают хулиганить, прогуливать школу, курить, пить и оказываются в исправительных колониях. Зачем? Они – работники простых профессий. Их дело – слесарить или тупо сверлить одну и ту же деталь на за-

водском станке. Стало быть, и обучать их по общепринятой системе образования ни к чему, они – необучаемы!

Другое дело – творческие двоечники. Это люди сложные, с непростыми характерами и судьбами. Они – взрывоопасны, в руках и за пазухой у них шипят шаровые молнии. С этими учениками трудно сладить, их надо обучать не так как всех. Они мыслят образно, их сознание – яркий мир переполненный фантазиями. Обучение таких детей – дело нешуточное, со временем из них вырастают творческие личности, способные создавать мировые шедевры музыки, живописи, скульптуры, литературы. Практически, все великие мастера прошлого созидающие нашу цивилизацию плохо учились в школе.

Однако, как говорят русские, воз и ныне там! Глупость и ограниченное мышление присущее российскому министерству образования делают свое «черное» дело. Школы отупляют, оболванивают, приводят многих к такому результату, что вчерашний выпускник забрасывает надолго книги, отравленный едва ли не навсегда ядом всевозможных изложений и сочинений. Выпускники едва умеют писать. Безграмотные, глупые идут они в мир и становятся тупыми продавцами всевозможных гипермаркетов заполонивших города России, понастроенных, где попало и как попало...

Поэтому, я с большой надеждой и даже охотой смотрел на невиданную мною православную школу, надеясь, что всеобщее оболванивание сюда не добралось. Однако, меня уди-

вило не обучение, а сами учащиеся.

Учительница указала мне место за свободной партой. Я уселся. За мною сидел какой-то ученик, но что, же это был за ученик! Весь будто на шарнирах, ни секунды покоя!

Он вертелся, подносил к губам трубочку, чтобы плюнуть бумажными пульками то в одного школьника, то в другого. Тут же запускал самолетки в классную доску. Один приземлился на учительский стол, и учительница сразу прервав обычную переключку принятую, наверное, во всех школах страны, загремела:

– Серафим!

Серафим спрятался за раскрытым учебником и только выглядывал из-под книжки, делая невинные глазки.

Вообще в классе оказалось много мальчиков и девочек со странными непривычными для моего слуха, именами. В мире, из которого пришел я, было как-то не принято так называть детей, но для учителей школы вероятно очень удобно, они совершенно не использовали фамилии. Ну-ка пойдди, отыщи еще одного ученика с именем Серафим! К чему тогда его фамилия?

На переменке одноклассники обступили меня со всех сторон. По очереди, очень вежливо назвались, рассказав мне, как бы, между прочим, и о своих занятиях после школы:

– Феодосия, – выступила первую одна рыженькая, вся в веснушках, девочка и присела передо мной в реверансе, – после школы я плету кружева!

– Какие кружева? – не понял я, пораженный еще и ее странным приветствием, вроде бы так приседали барышни в девятнадцатом веке?!

Феодосия вежливо пояснила мне, что кружева плетутся на коклюшках

– У них вся семья плетет! – бесцеремонно вмешался Серафим.

– Зачем? – чувствуя собственную тупость, спросил я.

– Кормятся они так! – закричал, будто глухому, неугомонный Серафим. – Лавку держат в центре города, продают кружева иностранным туристам!

И он для пушей убедительности потряс Феодосию за руки, призывая меня хорошенько рассмотреть ее ладони.

Я уважительно пожал ее пальчики, оказавшиеся хрупкими, такими маленькими и тонюсенькими, что куда там коклюшками орудовать!

Следующим в очереди был Лука, маленький малыш с большой головой, оттопыренными ушами и лаконичной прической – ежиком.

Лука застенчиво улыбнулся, но ничего не сказал. За него принялся рассказывать Серафим.

– Он у нас молчун! – жестикулировал энергичный оратор. – И еще реставратор! Вместе с родителями в антикварном магазине трудится, чистит, паяет старые самовары, промывает почернелые иконы. Мечтает после школы поступить в художественное училище, ведь верно, Лука?

Лука тут же поспешно закивал и, устыдившись устремленных на него взоров, скрылся за спинами своих товарищей.

Далее, я со все более нарастающим изумлением вслушивался в звучание старорусских, давным-давно вышедших из обихода, будто инопланетных имен и всматривался в простые курносые лица русских ребят. Мне подавали руки, кланялись передо мной и приседали в реверансе. И как же было жалко всех этих Иустинианий, Харитонов, Дионисиев, Фекл, Варфоломеев! Всю жизнь с такими именами! Детям своим дать такие отчества!..

Впрочем, ребята вроде как понимали необыкновенную сложность своей судьбы и потому, наверное, относились друг к другу уважительно, не обзывались, не коверкали имен.

В обыкновенной школе, скорее всего Феодосию оскорбили бы, обозвав Федькой. И не исключено, что эта Федька так бы и перешла дальше, в институт и на работу. А уж о Серафиме и говорить нечего, человеку с таким невероятным именем плохо пришлось бы посреди циничной и распущенной толпы нынешних школяров.

– Ну, а ты? – обратился я к нему, когда последний в очереди одноклассников заявил мне, что он после занятий в школе лепит фигурки из глины, затем обжигает в печи, расписывает красками и выставляет для продажи в магазине сувениров, что держит его семья.

– Я? – удивился Серафим, глядя на меня с полным непониманием, и повторил. – Я?!

В этом его «Я?!» прозвучало нарастающее как? Неужели нашелся человек, не имеющий представления о роде его занятий?!

За задохнувшегося в изумлении Серафима ответила вежливая Феодосия:

– Он сын священника, – заговорщицки подмигнула мне она, – ему труднее любого из нас.

– Почему? – сглупил я.

Лучше бы я ничего не спрашивал, вокруг тут же загудели возмущенные моею неосведомленностью, ребята.

А Феодосия принялась загибать передо мной пальцы:

– Он в церковном хоре поет, раз! – и загнула первый палец.

– С подносом для приношений по храму ходит, два! – и загнула второй палец.

– Каждое воскресенье выносит на паперть чашу с причащением, три!

– Помогает облачаться в церковное одеяние своему отцу, четыре!

– Когда заболевает дьякон, а он запойный и потому болеет часто, Серафима снимают с уроков и ставят вместо дьякона. Службы в церкви должны проводиться каждый день, утром и вечером, потому что отец у Серафима служит в кафедральном, то есть, центральном соборе города, – поясни-

ла она, видя мою неосведомленность. – Пять!

– Когда болевает его мать, Серафим встает за свечной прилавок и продает прихожанам свечи, иконки, принимает от них поминальные записки. Шесть!

– А, когда напивается звонарь, его, спаивает дьякон, Серафим в любую погоду вынужден лезть на колокольню звонить в колокола к заутрене, – почти сердито закончила она загибать пальцы.

– Ну, это, если знаешь, как звонить, – пробормотал я, вконец добитый всеми перечисленными невиданными для меня занятиями подростка.

– Знает! – хором прокричали ребята.

А Феодосия прибавила:

– У него абсолютный слух, он еще маленьким сам потребовал, чтобы его обучил звонарь.

Я смотрел с сочувствием на Серафима, поглядывавшего на сверстников с некоторым превосходством, но тут наступила моя очередь исповедаться.

Вздыхнув, я произнес первое, что пришло мне в голову:

– А я люблю читать, вот только что прочитал «Дети капитана Гранта» и приступил к «Робинзону Крузо».

Молчание было мне ответом и взгляды, в которых я наблюдал удивление, недоумение, даже страх.

– А еще я люблю качаться на качелях, – с отчаянием заявил я.

– Качели? – задумчиво протянул кто-то.

Мне даже показалось, что вот сейчас они спросят меня, а что такое качели?

– И, если качели без ограничений, я могу сделать «солнышко»! – расхвастался я.

Они смотрели на меня во все глаза.

– А еще, – продолжал я, чувствуя прилив тщеславия, такой наверняка испытывают успешные артисты эстрады, – с папой иногда хожу в киноаттракцион 5«D». Мы плаваем и летаем. На нас налетает самый настоящий ветер и брызжет брызгами океан. Кресла, в которых мы сидим, двигаются, наклоняются, имитируя быстрый полет. Я люблю летать на драконе, так здорово сидеть у него на спине! Думаю, будущее именно за таким кино, очень реалистичным, в котором принимают участие сами зрители!

Одноклассники мои затаили дыхание, даже Серафим не сводил с меня зачарованного взора. Мне было ясно, что ни один из них никогда не переступал порог киноаттракциона 5«D» да что там, бывали ли они хоть раз в обыкновенном кинотеатре? Сомневаюсь!

Между тем, от меня ждали продолжения речи, и я вдохновенно говорил:

– Мама предпочитает карусели в городском парке. Мы любим автодром, где крутимся и гоняемся на электромашинках друг за другом!

– А летом, в каникулы, ты что делаешь? – тихо спросила у меня Феодосия.

– Еду к тете, на Азовское море. Она живет почти на самом берегу, в небольшом поселке. Меня там всегда ждет небольшой уютный домик тетки, старый добрый пес, дорожный велосипед и надувной матрац.

– А море? – спросил кто-то. – Какое оно, море?

– Море? – задумался я на минутку. – Очень ласковое и очень мелкое, можно с километр пройти по колено в воде, а после только погрузиться по грудь и быть хотя бы этим довольным. Никто не боится утонуть в Азовском море, разве в луже по колено можно захлебнуться?

Мой рассказ произвел на ребят сильное впечатление. Печально вздохнув, они разбрелись по классу. И только один Серафим азартно блестя глазами, все расспрашивал меня, задавая настолько чудные вопросы, что я, право, терялся, недоумевая.

– А море, какое цветом? – спрашивал он.

– В плохую погоду темное, в хорошую синее!

– Медузы кусаются? – нетерпеливо теребил он меня за рукав.

– Не знаю, по-моему, они жгутся, – рассеянно отвечал я, провожая взглядом Феодосию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.